

Ю. А. Бычков

В ГОСУДАРСТВЕННОМ МАСШТАБЕ

О ЛЕНИНСКИХ
ДЕКРЕТАХ И ДЕЛАХ ПАРТИИ
ПО СОХРАНЕНИЮ
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО
НАСЛЕДИЯ НАРОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Ю. А. БЫЧКОВ

В ГОСУДАРСТВЕННОМ
МАСШТАБЕ

Москва
Издательство
политической
литературы
1980

85-101

Б95

Б $\frac{10604-293}{079(02)-80}$ 213--80 4403000000

© ПОЛИТИЗДАТ, 1980 г.

ЗАБОТА О СОХРАНЕНИИ
ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
И ДРУГИХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ —
ДОЛГ И ОБЯЗАННОСТЬ
ГРАЖДАН СССР.

Конституция СССР, статья 68

**«СОСТАВИТЬ
ТОЧНУЮ ОПИСЬ ЦЕННОСТЕЙ.
СБЕРЕЧЬ ИХ В СОХРАННОМ МЕСТЕ...»**

В первые же минуты взятия власти Петроградский военно-революционный комитет направил в Эрмитаж с особым заданием отряд из десяти человек. Среди них был Борис Дементьев — рабочий паренек с Ново-Адмиралтейского завода, матросы Борис Проскуратов и Кирилл Ершов. Возглавлял отряд девятнадцатилетний Дементьев. Запасным ходом с Зимней канавки они проникли в Эрмитаж, тяжелой мебелью забаррикадировали подъезды и внутренние ходы сообщения между Эрмитажем и Зимним дворцом. В тот же день ВРК назначил комиссаров по охране музеев, дворцов и художественных ценностей. В их распоряжение выделили наряды солдат для несения караульной службы.

Но еще до этих принятых Советской властью мер сами участники штурма Зимнего дворца, рабочие-красногвардейцы, проявили чувство подлинных хозяев. Пресекая анар-

хистские и стяжательские действия, революционные рабочие, матросы, солдаты, технические служащие Зимнего отстояли дворец от разграбления, сохранили основные его ценности.

Джон Рид в книге «10 дней, которые потрясли мир» живо рисует картину, которую он увидел в первый момент, когда, увлеченный бурной человеческой волной, вбежал в Зимний дворец. Красногвардейцы, ошеломленные открывшейся их взору роскошью, начали было с яростью разбивать прикладами ящики, стоявшие в коридорах и на лестницах. Кто-то взвалил на плечо бронзовые часы. Кто-то нашел страусовое перо и воткнул его в свою шапку. Но в этот момент раздался грозный окрик: «Товарищи! Ничего не трогайте! Не берите ничего! Это — народное достояние!» Вещи поспешно, кое-как сваливались обратно в ящики, у которых самочинно встали часовые. «Все это делалось совершенно стихийно», — подчеркивает Джон Рид.

И еще одно беспристрастное свидетельство. Вместе с Джоном Ридом, Луизой Брайант в Зимнем был и Альберт Рис Вильямс. Он описывает увиденное там: «Вот в толпу рослых солдат, громко проклинающих царизм и богатеев и яростно спорящих между собой, вклинивается небольшая группа петроградских рабочих. ...Они кричат: «Не брать ничего! Революция запрещает! Не грабить! Это собственность народа!»

Революция даст народу все, но не нынче ночью. Терпение, мы не хулиганы и разбой-

ники, убеждают революционные рабочие».

Революционному пролетариату — творцу материальных ценностей — чужд анархистский дух разрушения. Напрасно буржуазные клеветники, еще владевшие газетами, журналами, типографиями, уверяли, что Зимний дворец совершенно разгромлен, что при штурме Зимнего погибли чуть ли не все сокровища Эрмитажа и т. д.

Не успевали затихнуть бои, как возле художественно-исторических объектов выставлялись караулы и назначались ответственные за их охрану.

28 октября ВРК назначает комендантов в петроградские дворцы. Правительственным комиссаром Зимнего, Эрмитажа и Таврического дворца стал В. В. Игнатов, комиссаром-инспектором по охране художественных центров и Публичной библиотеки — Б. Д. Мандельбаум. Позаботилась Советская власть и о сохранности исторических архивов.

Вождь революции В. И. Ленин верил в то, что народ поддержит политику большевиков, принимавших все меры к сохранению культурных ценностей. Но можно было и опасаться, что озлобленные многолетним гнетом помещиков крестьяне начнут громить поместья, погибнут культурные ценности. На многочисленные запросы крестьянских ходяков Ленин написал «Ответ». Машинописные экземпляры с его собственноручной подписью раздавались ходякам, осаждавшим Смольный. 8 ноября «Известия» опубликовали «Ответ на запросы крестьян». Призы-

вая их овладевать властью на местах, Владимир Ильич разъяснял, что надо «тотчас же брать все помещичьи земли в свое распоряжение, под строжайший учет, охраняя полный порядок, охраняя строжайше бывшее помещичье имущество, которое отныне стало общенародным достоянием и которое поэтому сам народ должен охранять»¹.

В Московский Кремль, как свидетельствует Е. В. Орановский, большевик, художник, один из тех, кто включился в работу по сохранению культурно-исторического наследия в первые же часы после победы революции, шел и шел народ, чтобы практически помогать новой власти.

«Комнаты нижнего этажа Кавалерского корпуса,— вспоминал Евгений Владимирович,— стали штабом по охране художественных ценностей. Провинция в эту пору наиболее остро переживала полосу стихийных реквизиций. Со всех сторон сознательные рабочие и крестьяне обращались с просьбой об охране тех или иных художественных или исторических ценностей».

Крестьяне имения князя Юсупова Архангельское были очень озабочены, чтобы не погиб дом и библиотека, просили выслать охрану.

Повсеместно, как только большевики овладевали властью, военно-революционные комитеты и местные Советы проявляли заботу об охране дворцов, библиотек, архивохранилищ, музеев, памятников старины.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 68.

3 ноября 1917 года нарком просвещения А. В. Луначарский написал обращение «Берегите народное достояние». Этот документ представляет поистине исторический интерес. В нем — вера в народ, который впервые был приглашен к участию в решении судеб культурно-исторического наследия. До Великой Октябрьской революции памятники архитектуры и истории, сокровища музеев, библиотеки и архивы были народу недоступны. Нарком просвещения говорит с рабочими, крестьянами, солдатами, матросами, со всеми гражданами России. Он подчеркивает, что отныне они хозяева великого исторического наследия России, говорит о том, как важно сохранить это наследие на все времена.

Обращение наркома далеко от официального документа, словно он говорит на митинге. «Товарищи! Трудовой народ становится теперь полновластным хозяином страны. Она обнищала. Ее разорила война. Но это преходяще, ибо она богата неисчерпаемыми возможностями. Велики ее естественные сокровища...

Но кроме богатств естественных трудовой народ унаследовал еще огромные богатства культурные: здания дивной красоты, музеи, полные предметов редких и прекрасных, поучительных и возвышающих душу, библиотеки, хранящие огромные ценности духа, и т. д. Все это теперь воистину принадлежит народу.

Все это поможет бедняку и его детям быстро перерасти образованностью прежние

господствующие классы, поможет ему сделаться новым человеком, обладателем старой культуры, творцом еще невиданной.

Товарищи! Надо зорко, бдительно беречь это достояние народа.

Все говорят: позор вору, который присваивает чужое достояние. И вы обещаете жестокую кару грабителю.

Но во сто крат позорнее быть вором и грабителем народного, всеобщего достояния, обкрадывать молодого хозяина — восставший, героически борющийся трудовой народ.

Да, вы — молодой хозяин страны, а хотя о многом вам сейчас нужно подумать и позаботиться — вы сумеете защитить и это ваше художественное и научное имущество...

Скоро и самые темные, которых гнет так долго держал в невежестве, просветятся и поймут, каким источником радости, силы, мудрости являются художественные произведения.

Русский трудовой народ, будь хозяином рачительным, бережливым.

Граждане, все, все граждане, берегите наше общее богатство».

Во все времена памятники нуждались и будут нуждаться в защите. В переломный период, когда в России свершилась революция, возникла угроза потери большого числа памятников.

Для того чтобы спасти, оградить от уничтожения и расхищения культурно-историческое наследие тысячелетней России, необходимо было опереться на людей знающих, на специалистов. И такие энтузиасты, кото-

рым было дорого это наследие, нашлись во множестве. Уже 26 октября ВРК привлек к работе по выработке системы охраны художественных ценностей академика живописи А. Н. Бенуа. А на следующий день начала деятельность Художественно-историческая комиссия, в которую вошли великолепные знатоки музейных коллекций, историко-архитектурных памятников великого города В. А. Верещагин, Б. А. Надеждин, Н. Г. Пиотровский, В. В. Гельмерсен. Ради истины надо отметить, что далеко не сразу они расстались со скептицизмом, внутренним неприятием власти большевиков. Однако их добросовестность была безупречна. Составленный ими «Список похищенных в Зимнем дворце предметов, отличительные признаки которых могут облегчить случайную возможность их нахождения» сослужил незаменимую службу.

Ученые не отстранились от забот о музейных сокровищах. Главный хранитель Эрмитажа академик Я. И. Смирнов дважды совершал поездки в Москву. В кремлевских дворцах находились вывезенные из Петрограда эрмитажные коллекции: галерея драгоценностей, серебра, фарфора, отдел миниатюр, все рисунки, резные камни, наиболее ценные античные вазы, все первоклассные картины, часть скульптур. Недоброжелатели распространяли слухи, что коллекции погибли.

Московский Совет создал комиссию по охране памятников искусства и старины во главе с архитектором членом РСДРП(б)

П. П. Малиновским. Его высокий авторитет специалиста, убежденность, смелость, решительность руководителя внушали особое доверие. Вместе с ним в комиссии работали художники Е. М. Бебутова, В. Н. Мешков, М. Н. Яковлев, П. В. Кузнецов, В. Н. Бакшеев, В. П. Бычков, М. С. Пырин, Ф. И. Захаров, скульпторы А. Н. Златовратский, А. Т. Матвеев, С. Т. Коненков. Эта так называемая кремлевская комиссия сыграла громадную роль в спасении художественных сокровищ Москвы и Подмосковья, а также всей Центральной России. Она организовала строгую охрану богатств.

«А мы не знали, что большевики такие честные, думали, придут — все разграбят, а они вот как берегут все: никто не дотронулся ни до одной вещи», — твердили бывшие служащие Кремля.

Работы было столько, что люди забывали об отдыхе, день мешался с ночью. Получив командировки, мандаты, члены комиссии разъезжались по разным концам города, отыскивая исторические и художественные памятники.

Возле Кавалерского корпуса Кремля почти всегда стояли грузовики с вооруженными матросами, которые сопровождали художников в тех случаях, когда нужна была охрана. Матросы охотно помогали в перевозках книг, картин, архивов.

Члены комиссии проделали огромную работу по передаче в государственные хранилища архивов, библиотек. Была спасена библиотека покинувшего Москву купца-ста-

ровера Е. Е. Егорова. В ней находилось 2076 древних рукописей. Среди них — редкая коллекция летописей в списках XVI—XVIII веков, учебники по математике, лечебники, хронографический сводный обзор всеобщей истории, переписанный в XVI веке и иллюстрированный цветными миниатюрами, — важный источник для изучения истории русского искусства.

Секретарь комиссии В. С. Кундиус рассказывала такой эпизод. Однажды в комнату, где помещалась комиссия, вбежал Михаил Николаевич Яковлев. Весь его вид свидетельствовал, что случилось что-то серьезное.

— На Знаменке на мостовую выброшена целая библиотека, — запыхавшись, выпалил он. — Надо немедленно спасать!

Выручили снова матросы. На счастье, их машина оказалась рядом.

— Товарищи, помогите спасти ценные книги! — обратились к ним Кундиус и Яковлев. Матросы посадили Михаила Николаевича в машину и помчались на Знаменку. Через два часа он вернулся и, сияя улыбкой, сообщил, что книги и рукописи сданы в Румянцевское хранилище.

Сохранению книжных и архивных богатств придавал особое значение Владимир Ильич Ленин. Когда-то, находясь в эмиграции, он радовался пополнению нелегальной и подпольной литературой библиотеки Центрального Комитета, тому, как собираются в драгоценный архив различные документы, материалы, письма. Уже на третью ночь

после свершения революции в беседе с В. Д. Бонч-Бруевичем Владимир Ильич говорил о том, как надо поставить музейное и архивное дело, как следует всюду и везде собирать находящиеся в частных руках библиотеки, архивы, рукописи, автографы. «Это представляет огромную ценность для нашей культуры, которую, как он сказал, мы развернем так широко, как нигде и никогда на свете,— вспоминал В. Д. Бонч-Бруевич.— Мы должны показать всему миру, что значит истинно культурная работа в стране, где власть перешла к рабочему классу, где установлена всерьез и надолго диктатура пролетариата».

Однажды Владимиру Ильичу доложили, что красноармейцы, размещенные в одном из кремлевских зданий, где хранились рукописи и переписка писателей, топят ими печь. Это было поздним вечером. Ленин тут же позвонил В. Д. Бонч-Бруевичу и попросил его «сейчас же, к утру, написать брошюру о значении архивов и архивных ценностей, написать популярно, так, чтобы можно было завтра же через РОСТА и газеты разослать ее повсюду, дабы широкие массы знали, что не только нельзя уничтожать архивные материалы, но что, наоборот, их необходимо тщательно собирать».

Владимир Ильич прочитал рукопись брошюры Бонч-Бруевича «Сохраняйте архивы», внес в нее некоторые поправки и распорядился напечатать в РОСТА, в провинциальных газетах и в «Известиях». Вышедшая тиражом 50 тысяч экземпляров, брошюра

была разослана по красноармейским частям, учреждениям культуры и другим организациям. Она не раз переиздавалась и принесла несомненную пользу. В адрес управляющего делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича стали отовсюду поступать сведения о том, где, как хранятся архивные ценности и различные бумаги. 1 июня 1918 года Ленин подписывает декрет Совнаркома о реорганизации и централизации архивного дела. Этот документ проникнут заботой о сбережении для истории документов и подлинных свидетельств происходящих событий.

Архивные материалы, книги, рукописи стали собирать. Их свозили в Москву, Петроград, в губернские центры и уездные города. И это в те дни, когда республика отбивалась от врагов, голодала, боролась с эпидемиями, решала самые насущные вопросы жизни.

Академик Е. В. Тарле вспоминал, как удивлялся французский ученый, директор французского Национального архива Шарль Ланглуа, знакомясь с документами Святейшего синода в Ленинграде: «Как же этот архив остался у вас?»... Ланглуа сказал тогда фразу, которую я тут же дословно записал и передал в архив. Вот эта фраза: «Ваша революция была умнее нашей...»

Почему? Да потому, что Французская революция сожгла архивы духовного ведомства, так как они принадлежали реакционным силам, а наша революция скрупулезнейшим образом сохранила эти архивы, со-

хранила бесценные сокровища для общей культурной истории русского народа».

«Для общей культурной истории русского народа» делалось очень многое. В Москве в короткий срок были проведены неотложные мероприятия по охране художественных и исторических ценностей в пределах древней русской столицы.

«В Москве и Кремле контроль за организацией охраны был возможен всегда без особых трудностей, но за пределами Москвы осуществить проверку охраны было труднее,— вспоминал комиссар Управления народными дворцами И. А. Вайман.— Однако и тут Владимир Ильич оказал нам свою товарищескую помощь и разрешил использовать автомашины из автобазы Совета Народных Комиссаров для поездок в Бородино, Архангельское и в другие места, где надо было проверить состояние охраны художественно-исторических ценностей».

Представители новой, Советской власти на местах зачастую не знали, как распорядиться культурно-историческим достоянием народа. В Москве открылись курсы по подготовке инструкторов. Из уездного города Воронежской губернии Острогожска к В. И. Ленину пришел запрос от председателя Совдепа П. В. Крюкова: «Как быть с конфискованным имуществом помещичьих имений?» В ответной телеграмме Владимир Ильич писал:

«Составить точную опись ценностей, сбечь их в сохранном месте, вы отвечаете за сохранность. Имена — достояние народа.

За грабеж привлекайте к суду. Сообщайте приговоры суда нам»¹.

Десятки тысяч имений. Необозримые российские просторы. Всюду ожесточенная борьба за власть. Монархисты и эсеры. Анархисты и любители легкой наживы всех сортов. Темнота и забитость масс. Наладить учет, сберечь в сохранном месте — необыкновенно трудно. Безусловно, составляя текст телеграммы в Острогжск, Ленин знает все сложности момента. И тем не менее требует неукоснительного соблюдения принципов революционной законности. Художественные и исторические ценности необходимы для успешного социалистического строительства.

В Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина среди собраний европейской скульптуры XIX века — мрамор Б. Торвальдсена «Княгиня М. Ф. Барятинская». На подставке табличка: «Из собрания Барятинских». Экспонат этот, как и многие другие, поступил в музей из дворца князей Барятинских в селе Ивановском Курской губернии. Ивановский волостной Совет организовал охрану имения и тем сберег большую коллекцию картин, скульптур, антикварных ценностей, библиотеку и архив.

Яснополянские крестьяне постановили, что усадьба Льва Николаевича Толстого будет находиться в пожизненном пользовании вдовы писателя Софьи Андреевны, что в не-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 17.

малой степени содействовало полной сохранности заповедной усадьбы.

И все же потери были весьма значительными. Далеко не везде удавалось создать комиссии по охране памятников искусства и старины. Пробиравшиеся в местные Советы кулаки клонили к разделу — грабежу. Нередко событиями руководила стихия. Так было в Шахматове Александра Блока. Сначала крестьянский Совет описал имение. Вскоре вывезли куда-то на трех или пяти подводах книги. А затем, благо никто не охраняет, растащили барское добро. В имении идут на растопку или разбрасываются по ветру рукописи, дневники, картины. А затем сгорел и барский дом.

Возможно, все это произошло не по злему умыслу, а может, это было проявлением народного гнева.

«Что же вы думали? Что революция — идиллия? Что творчество ничего не разрушает на своем пути? Что народ — паинька? — вопрошал растерявшихся, озлобленных российских интеллигентов Александр Блок. — Что сотни жуликов, провокаторов, черносотенцев, людей, любящих погреть руки, не постараются ухватить то, что плохо лежит? И, наконец, что так «бескровно» и так «безболезненно» и разрешится вековая распря между «черной» и «белой» костью, между «образованными» и «необразованными»?..»

«Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? — писал он в статье «Интеллигенция и революция». — Потому, что там наси-

ловали и пороли девок; не у того барина, так у соседа.

Почему валят столетние парки? — Потому, что сто лет под их развесистыми липами и кленами господа показывали свою власть...»

Памятники культуры приходилось оберегать и от расхищения бывшими хозяевами вкупе с зарубежными бизнесменами-грабителями, и от стихийного гнева, и от анархистствующих банд, и от хищников уголовного мира.

В конце 1917 — начале 1918 года анархистские бандитские группы захватили в Москве ряд особняков и богатых квартир. В итоге варварского постоа памятники искусства и старины гибли, расхищались. Моссовету вооруженной силой пришлось освобождать особняки и таким образом спасать от полного уничтожения реликвии искусства и истории. В Кремле грабители похитили драгоценности, хранившиеся в Патриаршей ризнице. Московский уголовный розыск, проведя широкую операцию, в короткое время изобличил преступников и вернул сокровища государству.

Важную роль в борьбе с расхищением памятников культуры сыграла Всероссийская чрезвычайная комиссия — ВЧК. Выполняя специальную директиву Совнаркома, она взяла под свой контроль охрану культурных ценностей. ВЧК предписала всем губернским, уездным и пограничным ЧК «принять решительные меры борьбы против бессовестного хищения народного достояния» и в

случае обнаружения разграбленных и прятанных ценностей «конфисковать и передавать в соответствующие отделы Советов, или если в Советах такого отдела нет, то сообщать в центральный комиссариат народного просвещения».

Циркуляр ВЧК в виде листовки под заглавием «Меры против расхищения художественных ценностей» был широко распространен по стране. Трудящиеся стали оказывать сотрудникам ЧК помощь. При сочувствии масс и содействии органов ВЧК музейные работники занялись выявлением, учетом, концентрацией в государственных хранилищах исторических и художественных памятников, научных ценностей.

Некоторые владельцы, покидая свои дома, замуровывали в стенах или закапывали в подвалах исключительные по своему значению предметы. В Петрограде обнаружили замурованное в стену ценнейшее собрание миниатюр великого князя Николая Михайловича. В Москве, в доме князя Голицына на Ново-Басманной, ВЧК обнаружила 13 пудов золотой и 10 пудов серебряной посуды большой художественной и исторической ценности.

В Москве и Петрограде с участием сотрудников ВЧК было обследовано 25 антикварных магазинов. Эксперты музейного отдела Наркомпроса обнаружили в ходе этой операции более 22 тысяч предметов особого значения.

После издания декрета Совнаркома об отделении церкви от государства и школы от

церкви, которым, в частности, все церковное и монастырское имущество объявлялось народным достоянием, музейные органы произвели учет выдающихся памятников древнерусского искусства. В результате обследования было взято на учет свыше 10 тысяч произведений живописи и 25 тысяч предметов прикладного искусства.

Капиталисты и помещики, покидая Россию, стремились или увезти с собой художественные ценности или спустить их на «черном» рынке зарубежным коммерсантам. Наше национальное достояние, таким образом, грабили дипломатические работники различных иностранных миссий и белогвардейцы, скрывавшиеся под флагом посольств и международных организаций. Петроградская ЧК раскрыла большую шайку воров, которая нашла покровителей в датском королевском посольстве. Шайку возглавляли бывший ротмистр и бывший дипломатический курьер Гаусман, бывший гвардейский поручик при генеральном штабе Рудаковский — сын известного петербургского ювелира Фаберже. При обыске у них было изъято более тысячи музейных редкостей и много других культурных ценностей.

Еще летом 1917 года в США возникла специальная корпорация с капиталом в 20 миллионов долларов для вывоза из России художественных произведений и предметов старины. Мастера поживиться за чужой счет были тут как тут.

С резкой обличительной статьей летом 1917 года выступил Горький. «Американское

предприятие — его, конечно, поведут с американской энергией,— писал Алексей Максимович,— это предприятие грозит нашей стране великим опустошением, оно выносит из России массу прекрасных вещей, историческая и художественная ценность которых выше всяких миллионов».

Тревога писателя была обоснованной. Вывоз за границу художественных ценностей начался еще в годы первой мировой войны. В период хозяйничанья Временного правительства за рубеж целыми вагонами увозили произведения искусства, антикварные вещи, драгоценности, художественную мебель. «Временные» игнорировали предложения общественности немедленно запретить вывоз за границу художественно-исторических сокровищ, усилить охрану дворцов и установить ответственность за спекуляцию предметами искусства и старины.

Бежавшие за границу после Октября развернули бешеную распродажу произведений искусства.

Барон Н. Врангель, отец генерала-белогвардейца, признавался: «За первоклассного Тинторетто, за которого мне прежде давали около двухсот тысяч, я едва-едва получил двадцать, а за коллекцию миниатюр, за которую теперь по дешевой оценке можно получить не менее полумиллиона франков, я выручил лишь восемнадцать тысяч... Купил у меня вещей на много десятков тысяч какой-то изящный господин, говорящий одинаково хорошо и на английском и на французском языках».

Это, так сказать, один яркий пример, попавший в литературу. В действительности их было множество. Советскому правительству пришлось принимать срочные меры для пресечения хищнического разбазаривания произведений искусства. Предметом обсуждения на Совнаркоме стала попытка Е. П. Мещерской продать за границу картину «Мадонна с младенцем». После этого правительство пришло к выводу о необходимости общегосударственных мер по защите художественного и исторического достояния народа. Постановление Совнаркома от 30 мая 1918 года гласило: «Ввиду исключительного художественного значения картины Боттичелли (тондо), принадлежащей в настоящее время гр. Е. П. Мещерской, предполагающей, по имеющимся сведениям, вывезти картину за границу, Совет Народных Комиссаров постановляет: картину эту реквизировать, признать ее собственностью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и передать в один из национальных музеев Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Исполнение сего постановления возложить на Комиссариат по народному просвещению.

Поручить Комиссариату по народному просвещению разработать в 3-дневный срок проект декрета о запрещении вывоза из пределов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики картин и вообще всяких высокохудожественных ценностей, и проект этот представить на рас-

смотрение Совета Народных Комиссаров».

Постановление было предано широкой гласности. В июле Наркомпрос подготовил проект декрета о запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения. 19 сентября подписанный В. И. Лениным декрет вступил в силу.

В культурных накоплениях дореволюционной России огромное место занимали частные коллекции. В большинстве своем они были неизвестны даже специалистам. Успешному проведению первой за всю историю инвентаризации российских сокровищ очень помогла рожденная революцией охранная грамота. Твердый порядок выдачи таких грамот выработался к январю 1918 года. Документ имел законную силу. Туда, где художественные ценности подвергались опасности, направлялись два члена комиссии по охране памятников искусства и старины. Они определяли, что представляло собой имущество. На музейное составляли опись в двух экземплярах. Первый сдавали в комиссию, а второй оставляли владельцу, который назначался хранителем всего имущества, взятого комиссией на учет. После этого имущество не подлежало реквизиции, помещению — уплотнению. Владелец же отвечал за его сохранность.

В Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства хранится заявление:

«Имея у себя собрание картин старой и новой школ, а также коллекции: старинного

фарфора, стекла, материй, миниатюр, часов и др. предметов художественно-исторического значения, прошу комиссию выдать мне охранную грамоту для моего вышеозначенного собрания». Автор заявления — художник-реставратор И. Крайтор.

На заявлении резолюция председателя пластического отдела комиссии Е. В. Орловского: «Охранные грамоты выдать». Такие грамоты получили все московские художники и скульпторы.

Этому предшествовало тщательное обследование собраний. На учет принимались художественные и исторические ценности, иконы, культовая утварь. Охранные грамоты сыграли выдающуюся роль. Октябрьская революция была верна прекрасной традиции Парижской коммуны, сохранившей для потомков художественные сокровища Лувра.

В конце декабря 1917 года в работу кремлевской комиссии включилось профессиональное объединение художников «Изограф», в котором состояли практически все московские художники, служащие архивов, представители исторической науки, работники музеев. Научный и профессиональный уровень комиссии значительно вырос. Была создана специальная комиссия частных коллекций. В нее вошли художники П. В. Кузнецов, К. А. Коровин, С. Т. Коненков, С. Ю. Жуковский, А. В. Середин. 29 января 1918 года комиссия приступила к обследованию московских и подмосковных частных собраний художественных произведений «для принятия необходимых мер по их охране».

Сергей Тимофеевич Коненков выразил желание обследовать собрание И. А. Морозова. Знаменитый коллекционер в прежние годы приобрел не одно его произведение. Их связывали добрые, доверительные отношения. «Иван Абрамович,— вспоминал С. Т. Коненков,— сильно беспокоился за судьбу коллекции, созданию которой, можно без доли преувеличения сказать, он посвятил всю жизнь. В первом этаже морозовского особняка на Пречистенке (улица Кропоткина) разместилось какое-то военное учреждение, и, разумеется, оно стремилось подняться по белокаменным нарядным лестницам на второй этаж, где в анфиладе музейно оборудованных залов находилась уникальная коллекция картин. С моим приходом Морозов заметно повеселел. Его искренне обрадовало то, что государство не даст рассыпаться, погибнуть его отмеченной большим художественным вкусом коллекции. После национализации галереи Морозова в 1918 году сам Иван Абрамович был назначен заместителем директора созданного в особняке на Пречистенке Второго музея современного западного искусства».

5 октября 1918 года В. И. Ленин подписал декрет Совнаркома «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». Этот правительственный акт законодательно завершил регистрацию частных собраний и подтвердил, что «владельцам взятых на учет предметов или собраний оказывается содей-

ствии в деле их охранения и выдаются особые охранные грамоты». В соответствии с требованием декрета проводилась первая государственная регистрация «всех монументальных и вещевых памятников искусства и старины». Было взято на учет 750 частных собраний и 520 усадеб. В 1918—1923 годах было выдано 120 охранных грамот на усадьбы и около 480 — на частные собрания Москвы и Петрограда.

Поистине драгоценно свидетельство управляющего делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича о том, как была выдана охранный грамота С. П. Бартеневу. Вот этот рассказ: «Как только Владимир Ильич переехал из Петрограда в Москву и поселился в Кремле, он сейчас же захотел ознакомиться с историей кремлевских построек и спросил у меня, что ему по этому поводу прочесть. Я указал на двухтомное исследование специалиста С. П. Бартенева, которое называлось «История Кремля». Владимир Ильич тотчас же принялся за чтение этого прекрасного иллюстрированного издания и был очень удивлен, когда я ему сказал, что автор этой книги, сын знаменитого издателя «Русского архива», живет в Кремле и вот сейчас как раз выезжает из Кремля в город на другую квартиру.

— Зачем это? — сказал Владимир Ильич. — Его нужно было бы оставить здесь, в Кремле.

Я сказал Владимиру Ильичу, что С. П. Бартнев сам хочет переехать в город, так как ему удобнее жить вне Кремля, ибо он дает

уроки музыки и к нему приходят ученики.

— Подите сейчас же и посмотрите, как он переезжает,— сказал Владимир Ильич,— есть ли у него перевозочные средства, и организуйте ему помощь в переезде, в упаковке вещей...

Владимир Ильич был очень удовлетворен, что мы помогли этому ученому, и, сказав, что даст ему охранную грамоту, немедленно ее написал, и я вручил ее С. П. Бартеву».

Заботой о сохранении в неприкосновенности духовных святынь русского народа проникнуто постановление Совнаркома от 30 марта 1918 года об удовлетворении ходатайства «вдовы Л. Н. Толстого гражданки С. А. Толстой о выдаче ей пенсии, назначенной в 1910 году в размере 10 000 рублей в год и расходуемой ею на поддержание усадьбы «Ясная Поляна». Было рекомендовано «обратиться от имени Совста Народных Комиссаров к местному Совету с указанием на его государственную обязанность охранять имение «Ясная Поляна» со всеми историческими воспоминаниями, которые с ним связаны».

Декрет «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений», как явствует из самого названия этого государственного законодательного акта, имел в виду прежде всего охрану культурных ценностей.

Этим декретом впервые в мировой истории брались под государственную охрану

все памятники культуры, независимо от того, кому они принадлежали. Специальная статья декрета предусматривала конфискацию взятых на учет памятников, если они без разрешения государства передавались новым владельцам. Музейным органам разрешалось изымать предметы старины и искусства у частных лиц в тех случаях, когда памятникам угрожала гибель или исчезновение. Если же назначенные государством комиссии встречали сопротивление или помехи, частные собрания конфисковывались.

Военные действия в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции вызвали необходимость эвакуировать музейные ценности из некоторых национализированных помещичьих усадеб. Эта работа велась с большой тщательностью. В хранилища музейного фонда Москвы и Петрограда было вывезено из 250 дворянских усадеб свыше 30 тысяч книг и 50 тысяч предметов, в том числе 135 крупных коллекций картин, гравюр, фарфора, бронзы, старинных монет, медалей.

Преодолевая все трудности, Советская власть в государственном масштабе прилагала настойчивые усилия, чтобы сберечь для будущего памятники истории и культуры. Вся эта сложная работа проводилась, как сказано в декрете «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений», «в целях охранения, изучения и возможно более полного

ознакомления широких масс населения с сокровищами искусства и старины, находящимися в России».

«ИНТЕРЕСЫ РАБОЧЕГО КЛАССА ТРЕБУЮТ...»

Великая Октябрьская революция создала предпосылки для приобщения всего народа к достижениям культуры, науки, искусства, литературы. Выступая перед делегатами III Всероссийского съезда Советов в январе 1918 года на третьем месяце жизни молодого Советского государства, В. И. Ленин говорил: «Перед победившим пролетариатом открылась земля, ныне ставшая общенародным достоянием, и он сумеет организовать новое производство и потребление на социалистических принципах. Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации. Мы это знаем, — и разве во имя этой величайшей исторической задачи не стоит работать, не стоит отдать всех сил? И трудящиеся совершат эту титаническую историческую работу, ибо в них заложены дремлющие великие силы революции, возрождения и обновления»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 288—289.

Вспомним еще раз слова, услышанные Альбертом Рисом Вильямсом в первые часы после взятия Зимнего дворца: «Революция даст народу все, но не нынче ночью...» Как созвучно убеждение революционных рабочих ленинским мыслям о праве народа на все блага цивилизации!

Советской власти хотелось как можно скорее приступить к этой благородной деятельности. 30 октября 1917 года Зимний дворец был объявлен государственным музеем. Конечно, он не сразу стал музеем в подлинном смысле.

Но уже тогда, на пятый день своего существования, Советская власть ставила задачу превратить бывший царский Эрмитаж в крупнейший в мире общедоступный художественный музей.

Это стремление было повсеместным. Активный участник борьбы за упрочение Советской власти в Алексинском уезде Тульской области А. Г. Бобров рассказывал, как в один из весенних дней 1918 года в Страховский сельсовет Ивановской волости Алексинского района (ныне Заокский район Тульской области) пришла дочь художника В. Д. Поленова — Ольга Васильевна. Она взволнованно сообщила, что из Алексина прибыла комиссия, которая делает опись картин и всего имущества усадьбы. Председатель этой комиссии объявил Поленовым, что все художественные произведения должны быть вывезены в Алексин, а имущество усадьбы передано в ведение Ивановского волисполкома.

Ольга Васильевна просила сельсовет помочь сохранить художественные ценности ее отца.

Председатель Страховского сельсовета коммунист И. С. Семенов немедленно созвал заседание сельсовета. И тогда сельсовет решил не допустить ликвидации усадьбы художника Поленова и сохранить все ее художественные ценности. Заместителю председателя сельсовета коммунисту Г. М. Хаботину и А. Г. Боброву было поручено выехать в Москву, чтобы добиться отмены решения волисполкома. Посланцы получили наказ: «Если потребуется, обратитесь к самому Ленину».

«В назначенное время,— вспоминал А. Г. Бобров,— мы вошли в кабинет Владимира Ильича. Увидев нас, он встал с кресла и тепло поздоровался.

— Анатолий Васильевич рассказал мне о вашем деле,— сказал он.— Очень хорошо, что сельское общество и большевики села хотят сохранить для государства, для народа имеющиеся у вас художественные ценности. Это очень хорошо. Совнарком завтра же даст указание о выдаче охранной грамоты художнику Поленову, а также об организации музея имени художника».

Так и случилось. Ныне Поленово — музей-заповедник, пользующийся широкой известностью.

Ответственный работник Наркомпроса, профессор истории и литературы В. Н. Шульгин, работавший в первые месяцы после Октябрьской социалистической революции в

Рязани, писал: «Помню еще, как во время... встречи с Владимиром Ильичем, в августе 1918 года, я очень кратко рассказал ему о том, как в Рязанской губернии мы вывозили из помещичьих усадеб произведения искусства, литературы, как устраивали выставки изобразительного искусства (Малявина, Мешкова, Калининченко и др.), хотя и раздавались еще выстрелы, полыхали помещичьи усадьбы, остра и обнажена была классовая борьба. Я боялся, что Ленин засмеется, скажет, что мы занимаемся пустяками. А Ленин жарко похвалил.

— Вы хорошо сделали, что спасли ценности, собранные в поместьях, и сделали их достоянием народа. Это вы обязаны были сделать. Все это создано народом и принадлежит ему».

Владимир Ильич, считая важнейшей государственной задачей охрану памятников культуры и концентрацию их в музеях для всестороннего использования в научных и культурно-просветительных целях, предложил Наркомпросу создать специальный государственный орган по руководству всем музейным строительством — Коллегию по делам музеев и охране памятников искусства и старины. В мае 1918 года она была переименована в Музейный отдел, руководивший работой всех музеев, а также охраной памятников культуры.

Отдел имел два постоянных отделения в Петрограде и Москве. На периферии вначале действовал институт уполномоченных Всероссийской коллегии по делам музеев, а

с декабря 1918 года стали организовываться губернские подотделы по делам музеев и охране памятников искусства и старины при местных отделах народного образования. В музейном строительстве принимали участие Академия наук (преобразование Эрмитажа, развертывание его коллективом экспедиционной и исследовательской работы проходило при деятельном участии крупнейших ученых) и основанные в первые годы Советской власти Социалистическая академия общественных наук и Академия истории материальной культуры.

Рассматривая памятники культуры как народное достояние, Советское государство без промедления приступило к систематической и планомерной национализации музейных сокровищ и использованию их в культурно-просветительных и научных целях.

Были национализированы и превращены в музеи царские дворцы и пригородные дворцы родовитой знати. В большинстве случаев национализация дворцовых историко-художественных комплексов (Павловск, Петергоф, Царское Село, Архангельское, Останкино, Кусково) вызывалась необходимостью срочного учета коллекций и организации их хранения.

Не раз вмешательство кремлевской комиссии ограждало имение Кусково от покушений на целостность его художественных богатств. Об этом свидетельствует письмо С. Шереметева: «Спешу выразить свою благодарность комиссии за заботу о Кускове.

Я был бы очень рад, если бы члены комиссии, художники С. Ю. Жуковский и В. Н. Мешков, нашли бы возможным посетить Кусково и познакомиться с теми ценностями, которые там хранятся. До сего времени в Кускове все благополучно, и распространенные сведения о расхищении не соответствуют действительности.

Граф Сергей Шереметев».

Долго сохраняться это шаткое «благополучие» не могло. Необходимо было вмешательство государственной власти. В Кускове кроме ценных картин и портретов хранилась выдающаяся коллекция фарфора, в дворцовом парке находились десятки мраморных бюстов и статуй. С 1918 года Кусково — государственный музей-усадьба.

В том же 1918 году стали музеями дворцово-парковый комплекс в Павловске, архитектурно-художественный ансамбль конца XVIII века Останкино (Останкинский дворец-музей творчества крепостных), дворцы и парки Царского Села.

Созданию музеев в дворцах и имениях предшествовала кропотливая работа по выявлению подлинных историко-художественных ценностей. Далекое не все отвечало там требованиям, предъявляемым к экспонатам таких музеев, как Эрмитаж, Останкинский дворец, Павловск.

Национализация дворцовых богатств способствовала пополнению коллекций крупнейших государственных музеев — Эрмитажа, Русского музея, Третьяковской галереи,

Исторического музея¹, Музея изящных искусств, Румянцевского музея. В это время рождается Музейный фонд, сыгравший важную роль в создании культурно-просветительных учреждений на всей территории нашей страны.

Вслед за национализацией музейных ценностей, хранившихся во дворцах царя и родовой знати, по инициативе В. И. Ленина был поставлен вопрос о передаче в государственную собственность крупнейших общественных и частных собраний. Прежде всего был подготовлен декрет Совнаркома о национализации художественной галереи имени П. и С. Третьяковых.

Будучи крупнейшим в стране собранием русской живописи, Третьяковская галерея выполняла просветительные и научные задачи общегосударственного масштаба. Переданная ее основателями братьями Третьяковыми в дар Москве, галерея до революции управлялась специальным советом, избираемым Московской городской думой. Во главе совета стоял попечитель галереи. В 1913 году новым попечителем был назначен известный живописец, крупнейший историк искусства И. Э. Грабарь. Он перестроил экспозицию на научных основах, издал богато иллюстрированный каталог. Положен-

¹ В качестве примера новых поступлений в фонды Исторического музея можно привести коллекцию Уваровых из родового имения Поречье. Она была собранием мирового значения, включала в себя скифский музей IV—V веков и другие замечательные произведения древнего искусства.

ный в основу размещения картин историко-хронологический принцип помогал зрителям яснее проследить ход развития русской живописи.

Это вызвало бурю недовольства среди консервативно мыслящих художников, искусствоведов, публицистов, музейных работников. Грабарь мужественно выдерживал этот натиск. Полностью реализовать свой принцип он смог только после Октября, когда стал директором Третьяковской галереи.

Национализированная галерея становилась ведущим государственным музеем русского изобразительного искусства.

В. И. Ленин принял участие в редактировании текста декрета о ее национализации¹. Утвержденный СНК 31 мая 1918 года декрет гласил: «Принимая во внимание, что Московская городская художественная галерея имени П. и С. М. Третьяковых является по своему культурному и художественному значению учреждением, выполняющим общегосударственные просветительские функции, и что интересы рабочего класса требуют, чтобы Третьяковская галерея вошла в сеть общегосударственных музеев, направ-

¹ И. Э. Грабарь вспоминает: «При национализации... возник вопрос, как ее (галерею.—Ю. Б.) впредь именовать... Луначарский говорил мне, что, когда он принес проект декрета Владимиру Ильичу, оставив свободное место, где надо было вписать новое наименование, тот посмотрел на него с улыбкой и спросил:

— Не знаете, как назвать? Назвать надо просто: «Государственная Третьяковская галерея».

ляемых в своей деятельности Народным комиссариатом по просвещению, Совет Народных Комиссаров постановил:

1). Московскую городскую художественную галерею имени П. и С. М. Третьяковых объявить государственной собственностью Российской Федеративной Советской Республики и передать в ведение Народного комиссариата по просвещению...

2). Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Народном комиссариате по просвещению срочно выработать и ввести в действие новое положение об управлении галереи и ее деятельности в соответствии с современными музейными потребностями и задачами демократизации художественно-просветительных учреждений Российской Советской Республики.

Председатель Совета
Народных Комиссаров
В. И. Ульянов (Ленин)
Управляющий делами
Влад. Бонч-Бруевич».

Владимир Ильич высоко ценил Третьяковскую галерею. В. Д. Бонч-Бруевич свидетельствовал: «Особенно его удовлетворяла Третьяковская галерея, в которой он был несколько раз после Октябрьской революции. Там он находил множество картин, которые привлекали его внимание и великолепным выполнением, и самой тематикой.

— Все это мы должны дать широким массам,— говорил он.

Он усиленно пропагандировал посещение музеев и картинных галерей экскурсиями с фабрик, из школ, с заводов, из воинских частей».

После национализации в собрание галереи влились лучшие частные коллекции русского искусства. Около двух тысяч произведений — таково пополнение фондов Третьяковки в 1917—1924 годах (до революции, как о том писал И. Э. Грабарь, в год приобреталось не более десятка картин). В 1925 году галерея обогатилась значительной частью фондов Румянцевского музея, где наиболее ценными были картины Прянишниковской коллекции. Вскоре в состав Третьяковской галереи вошла Цветковская галерея, интересная своими графическими работами. В 1929 году в Лаврушинский переулок прибыли уникальные творения древнерусских живописцев из коллекции И. С. Остроухова. А в 1932 году в специально выстроенном зале разместили картину великого русского художника А. А. Иванова «Явление Христа народу» вместе с многочисленными этюдами и эскизами. Со временем все самое лучшее, что было создано русскими художниками, в залах галереи слилось в единое целое, создав величайшую сокровищницу русского изобразительного искусства. Третьяковская галерея стала поистине общенародным государственным музеем.

И как, должно быть, радовали Владимира Ильича сообщения, что в национализированную Третьяковскую галерею пошел народ! О первых организованных экскурсиях по ее

залам, состоявшихся в августе 1918 года, сообщал журнал «Рабочий мир».

Ленинский принцип превращения в народное достояние каждого собрания памятников культуры, которое «по своей высокой художественной ценности имеет общегосударственное значение в деле народного просвещения», выражен в декрете Совнаркома от 29 октября 1918 года о национализации художественной галереи С. И. Щукина. Сергей Иванович Щукин собрал крупнейшую в России коллекцию произведений французской живописи второй половины XIX—начала XX века. Гоген, Пикассо, Матисс, Дерен были представлены в его собрании необычайно широко. После национализации из картинной галереи Щукина был создан Первый музей новой западной живописи. Собрание И. А. Морозова стало Вторым музеем новой западной живописи. В 1923 году оба музея слились, образовав Музей нового западного искусства. В 1948 году собрание картин этого музея было распределено между Государственным музеем имени А. С. Пушкина и Государственным Эрмитажем.

В 1918—1919 годах были национализированы московские коллекции И. А. Морозова, И. С. Остроухова, В. А. Морозова, А. А. Брокара, Н. М. Соллогуба, В. О. Гиршмана, Н. С. Иосаджанова, А. Н. Ляпунова, С. П. Рябушинского, А. В. Олсуфьева, Ю. Д. Новосильцева, М. К. Морозовой, Е. А. Долгоруковой, А. П. Боткиной, З. И. Ратьковой-Рожновой, Е. П. Носовой и других.

В Петрограде в тот же период были национализированы исторические и художественные ценности, находившиеся в особняках и дворцах Юсуповых, Долгоруких, Строгановых, Воронцовых-Дашковых, Нарышкиных, Шуваловых, Шереметевых, Мятловых, Горчаковых, Олив, Паскевичей, Рудаковских.

Одновременно с объявлением государственной собственностью многих значительных музейных собраний в Москве, Петрограде осуществлялась национализация художественных и исторических ценностей в других городах и помещичьих усадьбах. Только в 1918 году возникло 49 музеев. Среди них Брянский музей местного края, Вятский музей искусства и старины, Липецкий народный музей имени К. А. Тимирязева, Ливенский научный музей, Головищенский музей родинovedения (Пензенская губерния), Гдовский уездный музей смешанного типа, Бронницкий музей отдела народного образования, Рославльский музей природы и истории края, Марийский национальный музей (город Космодемьянск), Тамбовский губернский научно-художественный музей, Шадринское научное хранилище, Торжокский художественно-исторический музей, Центральный музей Ветлужского края, Шурминский школьный музей (Уржумский уезд Вятской губернии), Саратовский естественноисторический музей, Симбирский государственный губернский естественноисторический музей, Рязанский историко-художественный и краеведческий музей.

Трудящиеся массы горячо приветствовали создание музеев. В Переславле-Залесском вот уже более полувека отмечается дата рождения музея. Каждый год 2 мая к красивому архитектурному ансамблю Горицкого монастыря, где размещается музей, к высокой горе, смотрящейся в Плещеево озеро, с раннего утра идут горожане. Идут, чтобы поклониться своему музею, который знакомит их с образцами древнего и современного искусства, несет свет знаний о родном крае и его славной истории.

Некоторое представление о размахе и значении музейной работы в то горячее революционное время дает сохранившееся в архиве письмо в адрес Переславль-Залесского музея от 4 февраля 1919 года: «Коллегия отдела Наробраза предлагает Вам немедленно перевести музей в помещение бывшего духовного училища в Горицком монастыре, вслед за тем безотлагательно приступить к устройству художественного отдела — развеске картин из собрания Свешникова, чтобы он начал функционировать для широких слоев местного населения. По обозрению Переславской церкви собрать старинные иконы и другую церковную художественную старину, которую разместить в отдельной комнате. Организовать библиотеку и архив. При этом имейте в виду, чтобы были оставлены помещения для естественноисторического и экономического отделов, куда немедленно будут передаваться коллекции сельскохозяйственные, естественноисторические, а также образцы кустарного и фабрич-

ного производства и пр. Во дворе устроить показательный огород, ботанический сад и образцовую пасеку, метеорологическую станцию».

В начале 1919 года музей Александровской слободы (ныне г. Александров) получил монастырские владения. Музеи Курский, Вологодский, Якутский разместились в архиерейских домах. Архиерейский дом, отведенный Курскому музею, имел 37 залов. Рязанский областной музей занял громадное помещение кремля (дворец Олега) с прилегающими землями и различными монастырскими постройками и усадьбами.

Сбывалось пожелание Владимира Ильича Ленина: «...всю старину мы должны тщательно охранять не только как памятники искусства,— это само собой, но и как памятники быта и жизни древних времен. Сюда должны приходить экскурсии, здесь должны быть развернуты музеи, здесь должны даваться подробные исторические объяснения посетителям».

Советское государство сумело изменить само содержание понятия «музей». Из полузакрытых собраний и коллекций, чем фактически являлись музеи до революции, при Советской власти они стали научно-просветительными учреждениями, охватывающими все стороны человеческой деятельности.

За первые десять лет Советской власти было открыто свыше 250 музеев. Посещаемость их уже тогда была очень активной. «Музей не ограничится только хранением

своих богатств, но будет устраивать лекции, рефераты и сообщения, а в самом размещении своих коллекций откажется от сухой систематизации, заменив ее методом живой группировки — так писал о назначении музея журнал «Народное просвещение». — ...Необходимо отрешиться от обычного понятия о музее как о мертвом и застывшем хранилище художественных или научных ценностей... Новый музей должен быть не только научным хранилищем, но и широко просветительным для народных масс учреждением, давая своим посетителям материал для общего развития и для изучения природы и жизни родного края». Сразу же музеи, в особенности провинциальные, становятся средоточием духовной жизни — так велика была тяга народных масс к свету и знаниям. Советская власть, партия даже в тяжелейших условиях гражданской войны и вызванной ею хозяйственной разрухи делали все, чтобы развить этот интерес, сберечь для народа достояние культуры и искусства.

Благодаря настойчивому вниманию В. И. Ленина делаются первые практические шаги по воплощению в жизнь плана монументальной пропаганды. Владимир Ильич еще весной 1918 года поставил перед Наркомпросом, перед деятелями русского искусства огромной важности задачу — создать первые советские памятники, выразить признательность революционного народа пророкам и героям освободительной борьбы.

В первую годовщину Октября состоялось открытие первого такого памятника — мемориальной доски в память героев, павших в октябрьских боях 1917 года. Автор этой доски — скульптор С. Т. Коненков вспоминал:

«К стене была приставлена небольшая лесенка-подставка, на которую должен был взойти Владимир Ильич, чтобы разрезать ленточку, соединявшую полотнища занавеса. Ленточка была запечатана.

Я держал в руке специально сделанную мной ко дню открытия живописную шкатулку, в которой лежали ножницы и выполненная мною деревянная печатка. На ней значилось: «МСРКД» (Московский Совет рабоче-крестьянских депутатов).

Владимир Ильич обратил внимание на шкатулку и на печатку:

— А ведь это надо сохранить. Ведь будут же у нас свои музеи,— взял и стал внимательно рассматривать печатку, а потом передал шкатулку с печаткой одному из товарищей, стоявшему рядом.

— Передайте в Моссовет. Это надо сохранить,— сказал Владимир Ильич».

«Будут свои музеи»,— сказал Ленин. Они один за другим открывались по стране. В тот день на Большой Дмитровке (ныне Пушкинская улица) открывался 1-й Пролетарский музей. Так по его назначению быть первым в ряду других художественно-просветительных учреждений для рабочих называли крупное и богатое собрание произведений изобразительного искусства, возник-

шее в итоге национализации частных коллекций. Ленин с особым вниманием относился к музеям, как фундаменту культуры¹. «Я помню один только музейчик,— писала в своих воспоминаниях о Ленине Надежда Константиновна Крупская,— из которого Ильич никак не мог уйти,— это музей революции 1848 г. в Париже, помещавшийся в одной комнатухе... где он осмотрел каждую вещичку, каждый рисунок».

В ноябре 1919 года, в дни празднования второй годовщины Октября, в Зимнем дворце был открыт первый в Советской России Музей Революции. В его создании активное участие принимал А. М. Горький. Среди собранных материалов были реликвии трех русских революций, коллекция плакатов первых лет Советской власти, портреты декабристов, их книги и рукописи, архив «Земли и воли». В библиотеке музея были собраны издания русской нелегальной печати. Среди них — полные

¹ А. В. Луначарский свидетельствовал: «...Ленин сказал мне в личной беседе, когда я его просил «Дайте мне денег для поддержки наших экспериментальных театров, ибо это театры новые и революционные»: «Пусть в течение голодного времени экспериментальные театры продержатся на известном энтузиазме. Совершенно необходимо приложить все усилия, чтобы не упали основные столпы нашей культуры, ибо этого нам пролетариат не простит». Ленин стоял на той точке зрения, что мы должны позаботиться в первую очередь о том, чтобы не распались музеи, которые хранят громаднейшие ценности...»

комплекты «Колокола» и ленинской «Искры»¹.

В 1920 году приступили к организации Музея Революции в Москве. Отделы революционного движения появились в это время во многих местных музеях. В 1919 году в Москве и в 1920 в Петрограде родились музеи Красной Армии.

Особое внимание Советская власть уделяла мемориальным музеям. Эта работа составной частью входила в предложенный Владимиром Ильичем Лениным план увековечения памяти великих людей прошлого. В беседе с А. В. Луначарским В. И. Ле-

¹ Во время подготовки к празднованию десятилетнего юбилея Великой Октябрьской социалистической революции была проведена значительная работа по выявлению историко-революционных памятников, часть из которых вошла в список памятников, подлежащих государственной охране. В письме местным исполкомам от 16 мая 1927 года, подписанном М. И. Калининым, было подчеркнуто, что «особенную актуальность приобретают вопросы по выявлению и охране памятников революционных движений». Президиум ВЦИК указал, что все ранее принятые постановления и распоряжения правительства о памятниках искусства и старины полностью распространяются и на историко-революционные памятники.

В 1972 году в связи с празднованием пятидесятилетия образования Советского Союза был объявлен смотр памятников истории советского общества. В ходе смотра были приведены в порядок и выявлены ранее неизвестные памятники революционного движения, революции 1905—1907 годов, Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской и Великой Отечественной войн, социалистического строительства.

нин говорил: «Надо составить список тех предшественников социализма или его теоретиков и борцов, а также тех светочей философской мысли, науки, искусства и т. п., которые хотя и не имели прямого отношения к социализму, но являлись подлинными героями культуры».

Настойчивая забота Владимира Ильича о проведении в жизнь плана монументальной пропаганды общеизвестна. Деятельную заинтересованность проявлял Председатель Совнаркома и при создании первых мемориальных музеев.

В мае 1919 года была объявлена национальным достоянием Ясная Поляна. В апреле 1920 года в «Известиях ВЦИК» был опубликован декрет СНК об учреждении в Москве мемориального музея «Дом Льва Толстого». В июне 1921 года за подписью М. И. Калинина вышел декрет Президиума ВЦИК, объявляющий неприкосновенными здания, постройки, земельные, лесные, водные угодья усадьбы Ясная Поляна.

В 1920 году Совнарком объявил национальным достоянием Дом-музей Н. Г. Чернышевского в Саратове. В 1918—1921 годах были национализированы и превращены в мемориальные музеи памятные места, связанные с жизнью и творчеством А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Ф. И. Тютчева — Михайловское, Тригорское, Остафьево, Абрамцево, Спасское-Лутовиново, Мураново.

С первых же лет Советской власти массовым народным движением становится

краеведение. Повсюду создавались краеведческие ячейки, общества, организации. В 1923 году состоялась Всесоюзная конференция научных обществ и организаций по изучению местного края, которая рекомендовала выработать определенный тип краеведческого музея, способного участвовать вместе с местными органами в разработке вопросов хозяйственного и государственного строительства. Наркомпрос утвердил производственный план Музейного отдела на 1924—1925 годы. В нем отмечалось, что «в области музейного строительства работа по концентрации музеев в общих чертах может считаться завершенной. Установлен окончательный список музеев, подведены итоги революционного накопления музейных ценностей и стихийного образования музеев...»

Главная намеченная Лениным задача — через музеи открыть трудящимся доступ к сокровищам культуры, к источникам знаний — была решена.

«ВОССТАНАВЛИВАЙТЕ ВСЕ КАК БЫЛО, ДЕЛАЙТЕ ПРОЧНО И ХОРОШО»

Сохранять памятники, превращать их в объекты музейного показа — значит поддерживать их в хорошем состоянии, проводить своевременный ремонт, реставрацию. Вопрос о восстановлении пострадавших в ходе октябрьских боев в Москве архитектурных достопримечательностей со всей остротой встал, как только Кремль

был очищен от юнкеров и белогвардейцев. Советская власть не скрывала потерь и повреждений, причиненных артиллерийским огнем во время боев с контрреволюционерами. Иллюстрированный журнал Российского телеграфного агентства «Красная звезда» в ноябре 1918 года опубликовал фотографии поврежденных памятников. Их было всего двенадцать. Но не меньший ущерб наносила неумелая реставрация предшествующего времени. Комиссия по охране памятников искусства и старины провела осмотр Кремля и «единогласно постановила, что все снаряды, попавшие в Кремль, меньше нанесли вреда художественно-историческим памятникам, чем невежественная малярная реставрация дивных фресок Успенского собора». Проводившееся летом 1917 года поновление фресок XVI столетия действительно было малярной реставрацией. Древние фрески сначала отмыли от вековых наслоений, а затем грубо, аляповато переписали.

Еще бесцеремоннее незадолго до этого были переписаны заново фрески Успенского храма в свияжском Богородском монастыре (XVI век). Проблема реставрации была поставлена в самые первые дни существования новой власти. Академик И. Э. Грабарь, с именем которого связано рождение советской реставрационной науки, считал, что в понятии «реставрация» необходимо различать два момента — момент ремонта и момент восстановления.

Ремонт — это лечение памятника от той или иной болезни, поскольку памятники материальной культуры, подобно организму человека, подвержены заболеваниям. Выветривание стен, ветхость кровли, отслоение или потрескивание красочного слоя требуют мер по прекращению процесса разрушения. Иное дело — восстановление утраченных частей, или собственно реставрация. Как восстанавливать разрушенные части памятника, особенно в тех случаях, когда не существующие уже более детали являлись не ритмическим повторением других, сохранившихся полностью, а индивидуальным решением? И надо ли в таких случаях восстанавливать утраченное? Может быть, достаточно ограничиться закреплением разрушающегося? Под восстановлением, утверждал И. Э. Грабарь, следует понимать и удаление позднейших наслоений, накопившихся на памятнике в течение столетий, иначе говоря, его раскрытие и восстановление недостающих частей.

Раскрытие памятника — наилучший способ его изучения. Ни при каких других условиях памятник не может быть обследован столь глубоко и исчерпывающе, как в процессе раскрытия. Возьмем, к примеру, раскрытие древней иконы. Оно похоже по приемам на археологические раскопки, ведущиеся в земле: углубляясь внутрь, проникая от слоя к слою в нижние пласты красок, исследователь не только изучает всю историю изменений, совершающихся

на поверхности живописи, но заглядывает в святая святых творческого процесса художника, разгадывает тайну мастерства, постигает сокровенный смысл его искусства. Путь от поверхности сквозь всю толщу слоя до первоначальной живописи дает такие возможности датировки, каких не получить иным способом.

Раскрытие, как правило, не вызывает особых сомнений. А вот на пути восстановления нередко непоправимые ошибки. Случалось, во всеоружии «науки» и с самыми благими намерениями на фундаментах средневековых замков возводились псевдодревние здания, на картинах дописывались целые фигуры, на иконах с сохранившимся фрагментом живописи произвольно восстанавливалась вся композиция.

Современная научная реставрация допускает восстановление утраченных частей в архитектуре только в тех случаях, когда имеются неоспоримые доказательства как самого их существования в прошлом, так и формы их. Безусловно допустимо восстановление повторяющихся орнаментов, а также дверных оконных проемов, размеры и формы которых определяются самой кладкой, сохранившей их старые следы. В живописи возможно погашение белых мест нового грунта, нарушающих общее впечатление, но недопустимо сплошное прописывание.

Советская власть открыла возможности для реализации подлинно научных взглядов на реставрацию.

Еще в январе 1918 по ходатайству Комиссии по охране памятников искусства и старины при Моссовете Совнарком рассматривал вопрос о ремонте Кремля. Было постановлено ассигновать на ремонт и реставрацию кремлевских зданий 450 тысяч рублей. В правительственном решении проявилось уважительное отношение Владимира Ильича Ленина к кремлевским святыням. Ленин любил Москву, и Кремль в особенности.

Наутро после переезда правительства Владимиру Ильичу захотелось посмотреть Москву. Солнечный мартовский день рождал праздничное настроение. В автомобиле поехали на Таганку, где в одном из маленьких переулков жила знакомая Марии Ильиничны, которую она хотела навестить. Владимир Ильич внимательно рассматривал город.

В тот же день, 12 марта 1918 года, Владимир Ильич решил побывать в Кремле, чтобы осмотреть помещения, где должен был разместиться Совнарком.

Когда автомобиль въехал в древние Троицкие ворота, Ленин взволнованно произнес вполголоса:

— Вот он и Кремль! Как давно я не видел его!

Как выглядел в те дни Кремль? Неблагоустроенный, с грубой булыжной мостовой. Не все площади замощены. Около Спасских ворот — казенные одноэтажные здания, выкрашенные в желтый цвет, и огороженные забором хозяйственные пост-

ройки кремлевских сторожей и служащих. От этого уголка с его захолустными постройками веяло глухой провинцией, резко контрастирующей с дворцами и торжественными храмами.

Около Константино-Еленинской башни — разный хлам, кучи мусора. От артиллерийского обстрела с крепостной стены слетела часть зубцов, а с Беклемишевской башни упал граненый шатер. Особенно неприглядно выглядела гордость русского зодчества — колокольня Ивана Великого.

Ленин тщательно осмотрел здания, дворцы, Грановитую палату, боярские терема и, наконец, дважды прошел по стенам Кремля, подходя к каждой башне и проверяя ее состояние. После детального знакомства с кремлевскими достопримечательностями последовало его широко известное распоряжение:

«Товарищу коменданту Кремля

Предлагаю в срочном порядке произвести реставрацию Владимирских ворот (кремлевская башня, выходящая к Историческому музею), поручив кому-либо из архитекторов по указанию П. П. Малиновского представить смету и наблюдать за исполнением работ».

Документ датирован 17 мая 1918 года. Этот день и следует считать началом осуществления в государственном масштабе научной реставрации историко-архитектурных памятников.

Вскоре комиссар Кремля М. С. Ольминский пригласил к себе группу московских

архитекторов. Он поручил им осмотреть постройки Кремля и приступить к реставрации.

Начинать надо было с Никольских ворот: снаряд разбил дубовые створки ворот; верхние этажи башни, нижние устои и стены имели выбоины. Прежде всего архитекторы решили восстановить древний вход на колокольню Ивана Великого из церкви, а уродующую великолепный каменный столп ржавую лестницу разобрать. Так и сделали. Это придало колокольне тот вид, какой она имеет в настоящее время.

Что бы ни осматривали архитекторы, везде обнаруживали небрежное отношение к древнему русскому искусству. Многие памятники были обезображены пристройками, стенные росписи, иконы замазаны, закрыты новыми красками.

В. И. Ленин требовал восстановить все в полном соответствии с самыми строгими правилами реставрационной науки. И. Э. Грабарь пишет о Ленине: «Он всегда запрашивал, можно ли расширить то или другое окно в старом здании или пробить дверь где-нибудь, не давая никаких распоряжений до положительного ответа. Я был в курсе всех этих переговоров».

Владимир Ильич, как только начались в Кремле реставрационные работы, сделал распоряжение о беспрепятственном доступе архитекторов к архивным материалам. Через М. С. Ольминского в конце строительного сезона он поставил перед реставраторами, занятыми восстановлением повреж-

денных памятников Кремля, три вопроса: по всем ли памятникам произведены исправления повреждений, причиненных обстрелом, и по каким памятникам не сделано исправлений и почему? По каким памятникам ведутся реставрационные работы и в чем они состоят? Какими методами руководствуются архитекторы при производстве реставрационных, восстановительных и исследовательских работ?

В. И. Ленин рекомендовал архитекторам как можно шире использовать архивные материалы и исторические труды по строительству кремлевских зданий и сооружений, тщательно заботился о том, чтобы реставраторы вернули кремлевским памятникам их древний облик. В. Д. Бонч-Бруевич вспоминал: «Владимир Ильич прочитал в книге С. П. Бартенева, что одно крыло собора, находящегося близ Ивана Великого, заложено кирпичом во времена Николая I и превращено в сарай для фуража. Владимир Ильич с негодованием сказал:

— Ведь вот была эпоха — настоящая аракчеевщина... Все обращали в сараи и казармы: им совершенно была безразлична история нашей страны. Надо сейчас же, немедленно это крыло открыть. Смотрите, какое оно интересное, судя по чертежу, который здесь приложен.

Через несколько дней реставрационная комиссия, которая была образована при Советском правительстве, стала работать над восстановлением крыла. Владимир Ильич, гуляя, не раз останавливался около места

работ и смотрел, как постепенно открываются старые очертания древнего собора.

— Совсем иной вид,— говорил Владимир Ильич,— тут виден художник-архитектор, а раньше было удивительно смотреть,— так не гармонировала эта пристройка со всем собором. Оказывается, тут не в соборе дело и не в архитекторе, а в Николае I, в аракчеевщине!»

Архитектор И. Е. Бондаренко — деятельный работник созданной летом 1918 года комиссии по реставрации Кремля — рассказывал о врезавшемся ему в память разговоре с В. И. Лениным: «Площадь перед колокольней Ивана Великого была завалена частями переносных лесов и подмостей. Этот материал перебрасывался от Ризположенской церкви к Беклемишевской башне. Тогда восстанавливалась верхняя часть башни и ремонтировалась ее черепичная кровля.

Я шел с архитекторами И. В. Рыльским и И. И. Дюмуленом, наблюдая за переброской материалов, и давал указания десятнику. Показался открытый автомобиль, едущий от Боровицких ворот к зданию Совнаркома. Дорога была завалена лесом. Автомобиль остановился, я подошел и увидел Владимира Ильича.

— Что вы тут делаете? — спросил Ленин.

Я объяснил, что мы ведем ремонтные и реставрационные работы, восстанавливаем поврежденные здания.

— В прежнем виде? — спросил Владимир Ильич и добавил (не ручаюсь за точность выражений, но смысл был следующий):

— Восстанавливайте все как было, делайте прочно и хорошо. Ильич посоветовал нам восстановить первоначальный вид зданий, освободить их от более поздних наслоений, искажающих подлинно народную архитектуру Кремля.

На этом наш разговор окончился. Лес убрали, и автомобиль проехал. Меня изумил этот разговор, способность Ильича сразу уловить самую суть дела. Мы с благодарностью воспользовались советом Владимира Ильича в работах по восстановлению, ремонту и реставрации Кремля».

Реставрация собора Двенадцати апостолов велась под руководством в ту пору совсем молодого архитектора А. П. Голубева. «Вспоминая теперь те дни,— говорил архитектор много лет спустя,— каждый из нас, кто жил и трудился тогда, не может не восхищаться гением и великой любовью к своей Родине В. И. Ленина. В тяжелые годы, когда молодая республика, окруженная со всех сторон врагами, истекала кровью, когда страну душили разруха, голод, отсутствие топлива, он думал о будущем, о сохранении для поколений драгоценного наследия народного творчества. Он знал, что кремлевские памятники будут долго еще служить верой и правдой советскому народу, воспитывать в нем высокие патриотические чувства, чувство гордости за свою великую Родину. Заботясь о восстановлении кремлевских памятников, Владимир Ильич уже тогда показал всему миру, что социалистическая революция — это не революция

разрушения, как ее изображали за рубежом, а революция созидания, становления и подъема всех творческих сил».

По прямому указанию Ленина тогда же начались ремонтно-восстановительные работы на соборе Покрова (храм Василия Блаженного).

В соответствии с требованием Председателя Совнаркома восстановить Кремль в первоизданном виде по возможности в один строительный сезон, летом 1918 года всю развернулась деятельность реставраторов. Помимо восстановления Никольских ворот, шатра Беклемишевской башни, курантов Спасской башни были закончены еще и наиболее трудоемкие работы — ремонт Малого Николаевского дворца и фасадов Чудова монастыря, сильно пострадавших при штурме в октябрьские дни 1917 года.

В 1918—1919 годах велись интенсивные работы по фресковой росписи Успенского собора. Ущерб, нанесенный невежественной реставрацией летом 1917 года, постепенно сводился на нет. Работа продолжалась долго. Владимир Ильич не раз заглядывал в собор, внимательно рассматривал великолепные фрески, которые обнаруживались после промывания мест, закрашенных более поздними богомазами.

Живая заинтересованность Владимира Ильича в сбережении, сохранении, спасении культурных ценностей России проявлялась и в отношении других памятников.

Большие разрушения вызвал кровавый левоэсеровский мятеж в Ярославле. Ленин

активно интересовался ходом восстановления ярославских древних церквей. По указанию правительства в распоряжение руководителя реставрационно-восстановительных работ в Ярославле П. Д. Барановского были выделены большемерные брезенты, которыми закрыли зияющие пробоины в кровлях и стенах церквей и соборов. Это помогло спасти дивные ярославские фрески. Работы по ремонту и реставрации продолжались в общей сложности восемь лет. Немалый этот срок — свидетельство тщательности восстановительных работ. Сначала шло детальное изучение памятников. А затем началась планомерная работа по возвращению им первоначального облика, освобождению их от позднейших наслоений, искажающих, говоря словами Ленина, «подлинно народную архитектуру».

В 1918 году родилась советская реставрационная наука. Своим становлением и бурным развитием она многим обязана исследовательскому таланту, эрудиции, огромным практическим познаниям, незаурядным организаторским способностям Игоря Эммануиловича Грабаря. Директор Третьяковской галереи (в 1913—1917 годах ее попечитель), создатель первой научной «Истории русского искусства», он был привлечен А. В. Луначарским к работе в Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины.

Вскоре коллегия, о чем уже шла речь выше, была преобразована в Музейный отдел Наркомпроса. Поскольку развернувшиеся в

Кремле восстановительно-реставрационные работы требовали научно-методического руководства, Грабарь берет на себя инициативу сплочения в дееспособный коллектив специалистов в этой области. «Летом 1918 года,— пишет И. Э. Грабарь в книге «Моя жизнь»,— уже действовал реставрационный п/отдел¹, в котором работали И. Е. Бондаренко, Д. С. Марков, И. В. Рыльский, П. Д. Барановский, Н. Р. Левинсон и другие. В июне 1918 года приступила к работе реставрационная группа, организованная мною из нескольких реставраторов-иконников, во главе с Г. О. Чириковым и историком искусства В. Т. Георгиевским. Мы начали с обследования стен старого собора Спасо-Андроникова монастыря, расписанного некогда фресками Андрея Рублева. Удалось найти лишь бесформенные, но красивые пятна фресок, сплошь иссеченных в XIX веке, перед тем как стены заново перештукатуривали². Из Спасо-Андрония мы

¹ Реставрационный подотдел к осени 1918 года превратился сначала во Всероссийские, а затем в Центральные реставрационные мастерские. Ныне это Всесоюзный научно-реставрационный центр имени И. Э. Грабаря.

² Невежественность церковников не знала границ. Ради так называемого «благолепия» они, не задумываясь, сбивали штукатурку с древними фресками. Невосполнима потеря фресок гениального Андрея Рублева в древнем (XV век) соборе Спасо-Андроникова монастыря. Не менее огорчительна потеря большей части фресковых росписей Феофана Грека в новгородской церкви Спаса Преображения на Ильине улице, почти полная потеря фресок XII века в Юрьевом монастыре и фресок Софии Новгородской. При

перебросились в Кремль, где обследовали стены Благовещенского собора».

Чем объяснить такое начало? Почему реставрационная группа Грабаря целые две недели горячего летнего времени уделила поискам навсегда утерянных фресок Спасского собора Андроникова монастыря?

Можно представить десятки, сотни объяснений, но единственно верным следует признать вот что. Грабарь в качестве неотложной исследовательской задачи выбрал вершину из вершин — искусство гения русского средневековья Андрея Рублева. Вокруг имени Рублева было нагромождено великое множество легенд, домыслов. Достоверных же сведений было крайне мало. Легендарный Рублев должен стать реальностью! Научное познание его творчества пролиvalo свет на таящий в себе множество загадок и неясностей период высочайшего расцвета древнерусской живописи. И. Э. Грабарь принялся настойчиво, методично искать произведения Андрея Рублева. Как солнце светила ему в этих ответственных изысканиях рублевская «Троица»...

Это событие сыграло совершенно исключительную роль во всем дальнейшем исследовании древнерусской живописи. В 1904 году знаменитая «Троица», икона в Троицком соборе Троице-Сергиевой лавры, издав-

ремонте в 40-х годах XIX столетия погублены древнейшие фрески Дмитриевского собора во Владимире. По счастливой случайности уцелела лишь незначительная часть этих росписей на сводах центрального и южного нефов.

на приписываемая Рублеву, была подвергнута реставрации. Осуществляли ее мастера А. Е. Израсцов, В. А. Тюлин под ответственным наблюдением реставратора В. П. Гурьянова. Впечатление, которое произвело это первое раскрытие рублевской живописи на тогдашние художественные и исследовательские круги, было поистине потрясающим. Как писал впоследствии И. Э. Грабарь, «стало очевидно, что наше знание Рублева будет углубляться только по мере дальнейшего раскрытия произведений, так или иначе связанных в прошлом с его именем, по мере освобождения их от позднейших наслоений и выявления их изначального вида, причем раскрытию надлежало подвергнуть не только иконы, но и фрески».

Начали с Андроникова монастыря. Выяснили, что стены действительно были некогда покрыты фресками, но в конце XVIII — начале XIX века они были частью сбиты, а частью — там, где обмазка держалась крепко, — мелко иссечены под новую штукатурку.

В конце июня 1918 года экспедиция прибыла во Владимир. В результате исследовательских и реставрационных работ выяснилось, что на стенах древнего Успенского собора сохранились как фрески времени постройки храма и первой его перестройки (XII век), так и росписи Андрея Рублева и Даниила Черного (XV век).

Методом сопоставления живописно-пластических особенностей «Троицы» и исследуемых фрагментов стенописи начала XV

века в Успенском соборе И. Э. Грабарю удалось размежевать фрески, написанные рукой Андрея Рублева, и фрески Даниила Черного. Таким образом сразу увеличилось число достоверно известных произведений великого художника¹. Это открыло возможности для новых исследований.

Осенью 1918 года в Звенигороде при исследовании собора Успения на Городке, построенного, по летописным свидетельствам, в начале XV века, за новым иконостасом, приставленным к алтарным столбам, были найдены фрески, относящиеся по стилю и приемам к началу XV века. Решено было распилить не имевший большой художественной ценности иконостас с таким расчетом, чтобы сделать доступной взгляду древнюю стенопись. Краски открывшихся фресок сохранились во всей изначальной свежести и яркости, как, быть может, нигде в другом месте, не исключая и владимирский Успенский собор. Звенигородские фрески почти наверное принадлежали Андрею Рублеву. В них видны отличительные признаки, характеризующие создания великого мастера: исключительно красочное решение, смелое, небывалое сочетание трех цветов — желтого, розового и синего, нежность и мяг-

¹ В XVIII веке из Успенского собора был выброшен иконостас работы Андрея Рублева и Даниила Черного. Сотрудники экспедиции Грабаря обнаружили его в церкви села Васильевского. Эта находка увеличила число достоверных произведений гения русского средневековья. В наши дни рублевский деисусный чин из села Васильевского экспонируется в Государственной Третьяковской галерее.

кость оттенков. Произведения гения говорят сами за себя, они не похожи ни на какие другие.

Участники звенигородской экспедиции справедливо полагали, что если найдены фрески, то должны быть и иконы того времени. И вот по давней привычке исследователей древнерусского искусства стали искать на чердаках, в чуланах и сараях. В результате один из участников экспедиции, Г. О. Чириков, обнаружил три доски с остатками уцелевшей живописи. Им суждено было стать тремя знаменитейшими памятниками, шедеврами Третьяковской галереи. Это поясные иконы — «Спас», «Архангел Михаил», «Апостол Павел». «Их создателем мог быть только Рублев, — уже уверенно писал в 1926 году, после того как иконы были укреплены, отреставрированы и предстали перед посетителями Государственного Исторического музея, И. Э. Грабарь, — только он владел искусством подчинять единой гармонизирующей воле все эти холодные розово-сиренево-голубые цвета, только он дерзал решать колористические задачи, бывшие под силу лишь венецианцам, да и то сто с лишком лет спустя после его смерти».

В результате кропотливой работы по реставрации иконостасов кремлевского Благовещенского и звенигородского Троицкого соборов и некоторых монастырей были признаны рублевскими еще несколько произведений. Так творения великого художника были возвращены из небытия. Это был подвиг во славу мировой культуры. Его совер-

шили первые советские реставраторы. Образ великого живописца, до тех пор как бы «дымом писанный», полуфантастический, стал несомненной реальностью.

В июле 1918 года, как раз в то время, когда разворачивается научно-исследовательская и поисковая работа, связанная с творчеством Андрея Рублева, в Москве составляется список лиц, которым предполагается от имени революции поставить памятники. В число «художников и музыкантов, достойных постановки им памятников», вошел и Андрей Рублев. Его имя открывает этот почетный список.

Деятельность Всероссийских реставрационных мастерских, естественно, не ограничивалась решением одной, пусть узловой, пусть важнейшей, проблемы. Группу реставраторов направили в Новгород и Псков, где кроме ценнейших икон были открыты в новгородской церкви Спаса Преображения фрески Феофана Грека и древние росписи псковского Мирожского монастыря. Состоялись три крупные и десятки мелких экспедиций в области, наиболее насыщенные памятниками древней культуры и искусства. Ученые обследовали сохранность памятников на местах, провели обмеры, составили описание. Некоторые произведения живописцев, скульпторов, мастеров декоративного и прикладного искусства привезли в Москву.

В 1919 году состоялись две важные по значению экспедиции: по верхнему и среднему течению Волги, по Москве-реке и Оке.

В 1920 году была организована, также на специально выделенном пароходе, экспедиция по Северной Двине и Белому морю. Комплексное изучение обширных районов Центра и Севера России дало огромный историко-художественный и археологический материал, легший в основу дальнейших научно-исследовательских работ, ведущихся по сей день.

Всероссийские реставрационные мастерские не были многолюдным учреждением, а масштабы совершенного их сотрудниками поражают воображение. Каждый работал за десятерых. Вдохновение и увлеченность отличали всех участников экспедиций. Одним из ближайших сподвижников И. Э. Грабаря был П. Д. Барановский. Десять страниц машинописной рукописи занимает перечень научных исследований, экспедиций, археологических раскопок, обмеров, фиксаций, проектов реставрации памятников архитектуры, научных докладов и печатных работ этого неутомимого человека лишь за десятилетие 1918—1928 годов.

Август 1918-го. Работы по спасению ярославских памятников. Причем не только в городе, но и в губернии. 1919—1920 годы. Обмер, обследование шатровых ворот и башни Свиганова монастыря в Угличе, исследование знаменитой трехшатровой Дивной церкви, регистрация всех других памятников города после случившегося там в ту пору пожара. Обследование и составление проектов реставрации церкви Исидора (XVI век) и собора Борисоглебского монастыря

(XVI век) в Ростове. Обмер и фотофиксация деревянной церкви в городе Мологе. Участие в северодвинской экспедиции по памятникам северного народного зодчества. 1 августа 1920 года Барановский на заседании ученого совета Всероссийских государственных реставрационных мастерских выступил с докладом «О научных задачах организации Музея русского деревянного зодчества на открытом воздухе в Коломенском». Вскоре его назначают директором музея, который предстояло создать.

В Коломенское — историческую усадьбу на высоком берегу Москвы-реки — перевозятся памятники деревянного зодчества. В течение десяти лет П. Д. Барановский занимается практической реставрацией храма Вознесения (XVI век) в Коломенском и храма Иоанна Предтечи (XVI век) в соседнем Дьякове, собирает и систематизирует предметы материальной культуры и фрагменты архитектуры древних веков, превращает в музейные залы дворцовые палаты XVII века.

В результате реставрации храм Вознесения обрел первоначальный облик, которым летописец, современник этой постройки, восторгался: «Бе же церковь та велми чудна высокою и красотою и светлостіею, такова же не бывала прежде сего в Руси».

Обосновался под сенью вековых деревьев Коломенского музей деревянной русской архитектуры. Идея «сосредоточения под открытым небом подлинных памятников деревянного русского зодчества» получила

в наши дни широкое распространение. Такие музеи созданы и создаются в Костроме и Вологде, Суздале и Архангельске, Горьком и Перми, Саранске и Истре, Таллине и Риге, Новгороде и Иркутске, Шуе и Братске, Старочеркасске и Ошевенске, Кижихах и Кириллове.

Коломенское — истинный бриллиант в русском искусстве.

И многие грани его заставила сиять прилежная, талантливая рука архитектора-реставратора Петра Дмитриевича Барановского. Москвичи любят бывать в Коломенском. Там одинаково хорошо и в пору июньского травостоя, и в дни осеннего листопада, и когда пуржит алмазной пылью февраль, и когда цепляет апрельскую небесную просинь неудержимо стремящийся ввысь шатер храма Вознесения.

Только в Коломенском можно, как бы перенесясь в XVII век, оказаться в приказной палате времен Алексея Михайловича, где все так неподдельно, что кажется: вот сейчас в сводчатой дверной нише появится слегка пригнувшаяся фигура бородатого приказного дьяка. В Коломенском, переступив порог бревенчатого дома, можно попасть в кабинет Петра Великого и стоят вековые дубы — сверстники Куликовской битвы, ровесники Андрея Рублева.

Здесь, в Коломенском, в полной мере воплотилась в реальность мечта Ленина о том, чтобы старина сохранялась не только как памятники искусства, но и как памятники быта и жизни древних времен, чтобы

были развернуты музеи, давались подробные исторические объяснения посетителям.

В то же десятилетие Барановским было сделано важное открытие в области архитектурной реставрации — выработан метод наращивания хвостовых частей кирпича. Метод этот был исключительно ценен тем, что позволял вести восстановление утраченных конструктивных и декоративных элементов памятника без домыслов, дополнений по чутью, по догадке.

Игорь Эммануилович Грабарь вспоминал: «Когда в 1933 году я имел честь в Лондонском Королевском обществе архитекторов ознакомить с этим методом реставрации английских архитекторов-археологов, ряд английских специалистов высказал пожелание приступить к пристальному изучению законов английской кладки в надежде найти столь же убедительные реставрационные методы и для Англии».

Реставрационная наука развивалась в нашей стране стремительно, поражая многообразием разрешаемых проблем, талантливостью ученых, филигранным мастерством практиков-реставраторов.

В 1922 году работами советских реставраторов заинтересовались за рубежом. В музейный отдел Наркомпроса пришло письмо из Англии. Джентльмены из «Общества охраны древних сооружений» «волновались», не натворили ли большевики чего-то недозволенного.

В статье «Реставрация у нас и на Западе» И. Э. Грабарь рассказал, что он полу-

чил от Музейного отдела поручение сделать в Лондоне подробный доклад о ремонтно-реставрационных методах, применявшихся на территории РСФСР, и о ремонтных работах в Московском Кремле в частности. «Исчерпывающий доклад, иллюстрированный множеством документальных фотографий, сделанных с памятников до ремонта, в процессе работ и после их окончания, а также детальными чертежами, не только рассеял все сомнения встревожившихся членов Общества,— писал Игорь Эммануилович,— но и привел их к заключению, что московские приемы по своей рациональности и научности кое в чем превосходят те, которые применяются в аналогичных случаях в Англии. Председатель Общества счел нужным особо оговорить это на экземпляре «Руководства к ремонту исторических сооружений», поднесенном им автору».

В «Школе высшего изучения» Сорбонны, где обменивались знаниями крупнейшие ученые-византинисты мира, в 1929 году было устроено чествование И. Э. Грабаря. Руководитель школы Габриэль Милле утверждал, что «история византийской живописи¹ своими достижениями последних десятилетий обязана главным образом Центральным государственным реставрационным мастерским в Москве, открывшим

¹ Древнерусская живопись, генеалогически связанная с византийской школой, на Западе рассматривалась как составная часть и прямое продолжение искусства Византии.

уже и продолжающим открывать такие изумительные памятники искусства, о которых научный мир ранее не подозревал». Милле приветствовал в лице Грабаря основателя и бессменного руководителя учреждения, существующего только в Советском Союзе, и нигде более.

**«КРАСИВОЕ НУЖНО СОХРАНИТЬ...
ИСХОДИТЬ ИЗ НЕГО,
ДАЖЕ ЕСЛИ ОНО «СТАРОЕ»»**

Еще в 1912 году российские футуристы¹ в манифесте «Пощечина общественному вкусу» утверждали: «Только *мы* — *лицо нашего Времени*...

Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее иероглифов.

¹ От латинского *futurum* — будущее. Авангардистские художественные течения 10 — начала 20-х годов XX столетия в Италии и России. В годы революции термин «футуризм» стал обозначением всего фронта так называемого «левого искусства», синонимом авангардизма. С апологией техники и урбанизма в футуризме сочетались культ героя-сверхчеловека, вторгающегося в мир и расшатывающего «одряхлевшие» эстетические и нравственные устои, культ насилия, упоение социальными катаклизмами (войной как «гигиеной мира» и «бунтом» вообще). Отвергая культурное и художественное наследие, футуристы выдвигали в искусстве принципы эксцентричности. Интимные чувства, идеалы любви, добра, счастья объявлялись человеческими «слабостями». Отстраненная от духовных ценностей, хаотическая регистрация теснящих друг друга впечатлений, механическое совмещение разнохарактерных аспектов, произвол в области формы вели футуристов к иррациональности, распаду образного строя.

Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности». Таково было кредо футуристов. Они пытались говорить и от имени революции. В Петроградской художественной коллегии Наркомпроса, возникшей в декабре 1917 года, они образовали некое ядро. Один из них, Николай Пунин, в 1918 году выпустил брошюру с размахистым названием «Долой цивилизацию». Газета «Искусство коммуны» поместила стихи В. Маяковского:

Белогвардейца
найдете — и к стенке.
А Рафаэля забыли?
Забыли Растрелли вы?
Время
пулям
по стенке музеев тенькать.
Стодюймовками глоток
старье расстреливай!

Даже такой поэт, поэт-трибун, одним из первых вставший на путь революции, не сразу разобрался в сущности футуризма, видя в нем только протест против устоев буржуазного общества. Социальный пафос поэта отрицал не только само это общество, но и его культуру.

В обстановке острой классовой и идеологической борьбы были неизбежны ошибки даже и у сторонников революции и Советов. В уничтожении памятников архитектуры и искусства, особенно монастырей и церквей, им виделась борьба с «пережитками прошлого».

В. И. Ленин неоднократно вмешивался, когда известия о нигилистических тенденциях доходили до него. «Когда ему приходилось слышать, что в Галиче, Угличе и других старинных русских городах пытались разрушить церкви, — пишет В. Д. Бонч-Бруевич, — он немедленно рассылал телеграммы и строгие приказы этого не делать, вызывал представителей местных властей, разъясняя им значение исторических памятников». «Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, — подчеркивал Ленин, — не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества»¹.

В этой же газете, где печатались цитированные выше строки В. Маяковского, без рекомендации В. И. Ленина была напечатана статья А. В. Луначарского «Ложка противоядия». «Мне говорят, — писал Луначарский под свежим впечатлением разговора с Владимиром Ильичем, — политика Комиссариата в деле искусства строго определена. Не напрасно, говорят мне, потрачено столько порою героических усилий на сохранение всякой художественной

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 304—305.

старины; не напрасно мы шли даже на нарекания, будто мы оберегаем «барское добро», и мы не можем позволить, чтобы официальный орган нашего же Комиссариата изображал все художественное Достояние от Адама до Маяковского кучей хлама, подлежащего разрушению. Слишком часто в истории человечества видели мы, как суетливая мода выдвигала новенькое, стремившееся как можно скорее превратить старое в руину, и как после этого плакало следующее поколение над развалинами красоты, пренебрежительно проходя мимо недавних царьков быстролетного успеха».

Велика была опасность, ибо отдельным представителям футуризма было доверено преподавание в художественных училищах. В результате студенты воспитывались в духе ненависти к реализму, к подлинным богатствам человеческой культуры.

В воспоминаниях Л. Райцер, студентки Вхутемаса начала 20-х годов, комсомолки-активистки, читаем: «У главного входа тогда стояли гипсовые копии классических скульптур. Я показываю на эти скульптуры и говорю Луначарскому: «Вот это мы все уничтожим!»— и он с иронической улыбкой посмотрел на меня и спрашивает: «А что же вы оставите?» Я ответила, что будем создавать все новое...»

В ходе осуществления плана монументальной пропаганды Ленину много раз доводилось сталкиваться с образцами кубофутуристической скульптуры. Серьезно расстроило его и посещение общежития

Вхутемаса¹, где Владимира Ильича встретили «все сплошь футуристы».

Мы во власти мятежного, страстного хмеля,
Пусть кричат нам: «Вы палачи красоты»,
Во имя нашего Завтра — сожжем Рафаэля.
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.

Так поэт-пролеткультовец В. Кириллов объяснял идею разрушительства.

Новый мир — а увидеть его жаждали миллионы, свершившие революцию, — должен был иметь какое-то неведомое никому, «новое» искусство. А раз так, ни к чему классические образцы. Отвергая идею преемственности, можно не считаться с тем, что создано раньше.

Эти левацкие загибы вызывали решительный отпор со стороны большевистской партии, ее вождя В. И. Ленина.

В беседе, записанной Кларой Цеткин, В. И. Ленин говорил: «Каждый художник и всякий, кто себя таковым считает, претендует на право творить свободно, согласно своему идеалу, будь этот идеал на что-нибудь годен или нет. Отсюда перед вами брожение, экспериментирование, хаотичность». В последней фразе — и сожаление, и решимость.

Здесь узел проблемы: стихийность вряд ли даст желательный результат. Далее следует глубокий, очень точный анализ

¹ Вскоре в разговоре с А. В. Луначарским В. И. Ленин с упреком сказал наркому просвещения: «Хорошая, очень хорошая у Вас молодежь, но чему Вы ее учител!»

обстановки в художественных кругах: «Мне кажется, что и мы имеем наших докторов Карлштадтов¹. Мы чересчур большие «ниспровергатели в живописи»».

Непререкаемой в ленинской трактовке предстает мысль о драгоценности во все времена истинно прекрасного: «Красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно «старое». Почему нам нужно отворачиваться от истинно прекрасного, отказываться от него, как от исходного пункта для дальнейшего развития, только на том основании, что оно «старо»? Почему надо преклоняться перед новым, как перед богом, которому надо поклониться, только потому, что «это ново»? Бессмыслица, сплошная бессмыслица! Здесь много лицемерия и, конечно, бессознательного почтения к художественной моде, господствующей на Западе. Мы хорошие революционеры, но мы чувствуем себя почему-то обязанными доказать, что мы тоже стоим «на высоте современной культуры». Я же имею смелость заявить себя «варваром». Я не в силах считать произведения экспрессионизма, футуризма, кубизма и прочих «измов» высшим проявлением художественного гения. Я их не понимаю. Я не испытываю от них никакой радости».

Молодое, только еще нарождавшееся советское искусство находилось в тяжелом

¹ Карлштадт (Андреас Боденштейн) (ок. 1480 — 1541) — деятель Реформации, требовавший уничтожения религиозной живописи, «иконоборец».

положении. И требовалось мудрое и тонкое вмешательство в процесс его развития.

«Мы не вправе сидеть сложа руки,— говорил В. И. Ленин,— и позволять хаосу распространяться, как ему угодно. Мы должны стремиться к тому, чтобы с ясным сознанием руководить также и этим развитием, чтобы формировать и определять его результаты».

Символом красоты «новаторы» объявляли все новое¹. В градостроительстве в середине 20-х годов обычным делом стало возведение новых зданий или прокладка магистралей на месте снесенных памятников архитектуры. Стали проектироваться первые конструктивистские здания. Одно из них — дом-гигант на улице Серафимовича в Москве². Здание не только подавило своей массивностью такие замечательные архитектурные памятники, как палаты Аверкия Кириллова — блестящий и редкий

¹ «Новаторы», оказавшись на гребне волны, пренебрежительно относились ко всему, что было построено до них, ратовали за «свободу самовыражения». «Все остальные соображения кажутся ничтожными по сравнению с настойчиво ощущаемым желанием проявить свою творческую физиономию,— писал один из теоретиков конструктивизма, М. Я. Гинзбург.— Цветок вырастает в поле потому, что он не может не расти, а следовательно, он и не может считаться с тем, подходит он или не подходит к полю, существовавшему до него. Наоборот, он сам меняет своим появлением общую картину поля».

² Автор проекта архитектор Б. М. Иофан окончил Высший институт изящных искусств (1916) в Риме, когда футуризм в Италии переживал период наивысшего расцвета и оказывал влияние на всю художественную жизнь и процесс обучения.

образец гражданской архитектуры XVII столетия, как церковь Николы в Берсеневке (XVI век), но и выглядело чужеродным, находясь в близком соседстве с Кремлем, Софийской набережной (ныне набережная Мориса Тореза), типично замоскворецкими московскими улицами Большой Якиманкой (ныне улица Димитрова) и Большой Полянкой.

Аналогичный пример — проектирование и строительство по-своему красивого, распластанного здания Дворца культуры автозавода имени И. А. Лихачева. Архитекторы В. А. и А. А. Веснины «посадили» дворец на сооружения древнего Симонова монастыря, выдающийся архитектурный ансамбль Древней Руси, памятник героям Куликовской битвы.

Нигилистическим взглядам на классическое искусство противостояли тенденции преемственности, проводимые в жизнь прекрасными мастерами. Еще в 1918—1919 годах мастерская А. В. Щусева вела работы по созданию «Проекта планировки Москвы», в которых на основе традиций закладывались принципы советского градостроительства. При этом учитывались ближайшие перспективы.

«...Москва должна увеличиваться территориально, чтобы вместить 5 млн. жителей...

Метрополитен, перерезающий Москву по двум диагональным направлениям... продолжается вплоть до линии 2-й окружной дороги, а потому по его магистралям мы

видим целые ряды благоустроенных жилых поселков, разделенных зелеными массивами: Лосиноостровским, Измайловским, Серебряным бором и другими. Таким образом, большая Москва, сохраняя форму концентрических кругов, развивает свою жилую площадь клиньями, звездообразно...»

Щусев вел разработку плана реконструкции Москвы с учетом исторически сложившейся застройки города. Он стремился сохранить ценные памятники русского зодчества, используя их в ансамблях социалистической столицы.

Необходимость реконструкции Москвы ни у кого не вызывала сомнения. Можно ли было оставить в неприкосновенности «Москву — большую деревню», «Москву сорока сороков» после того, как она стала столицей первого в мире социалистического государства? Конечно же нет.

Каждая новая эпоха приносит с собой новые архитектурные формы. Здания, которые строили в Москве на месте древних сооружений Казаков, Баженов, Старов, Григорьев, Жилярди, были далеки от средневековой московской архитектуры. Однако они органично вписывались в московский ландшафт, историческую среду, создавая в то же время колорит новой эпохи. На такой основе А. В. Щусев и его сотрудники разрабатывали «Проект планировки Москвы». Щусев до конца дней своих не изменил принципам ленинского отношения к памятникам. Его взгляды в основном разделя-

ли крупные зодчие И. В. Жолтовский, И. А. Фомин и другие. Им приходилось выдерживать бой с теми, кто в ходе реконструкции стремился ломать, взрывать древние здания, и в первую очередь церкви.

На то были свои причины. Церковь весьма враждебно встретила Октябрь. Она была на стороне белогвардейцев и интервентов. В глазах народа, осуществлявшего индустриализацию и коллективизацию страны, церковь была воплощением старого, ненавистного мира, его идеологии, того, что в глазах народа олицетворяло «религиозный дурман». Культуры, понимания значения иконописи, фресок, архитектурной и исторической ценности культовых зданий у тех, «кто вышел строить и мечь», не было. В этом — драма момента, неизбежность которой очевидна.

Видный советский ученый, Герой Социалистического Труда, академик И. В. Петрянов-Соколов, являющийся ныне членом президиума Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, вспоминая прошлое, пишет: «В нашей столице много древних монастырей. Их было еще больше. Многие из них уничтожены. Много в них утрачено. Нужно ли оставшееся? Зачем? Как к ним следует относиться? Но ведь отношение определяется знанием. Должен откровенно сознаться, что у меня лично долгое время было странное, двойственное отношение, которое, пожалуй, следует определить как враждебное. В самом деле, что я о них

знал? Только то, что мог узнать, только то, что это были «очаги мракобесия».

Несмотря на их бесспорную красоту, они были для меня чужды и враждебны. Они мешали мне любить мою родную Москву и гордиться ею.

Мне нужно было вырасти и самому, уже будучи взрослым, очень многое узнать и понять, что все это не так просто и верно. Для поклонения богу совсем ведь не нужны могучие стены, не для этого их возводили. Это были несокрушимые крепостные форпосты, выдвинутые далеко в предполье для охраны главной крепости — Кремля. Московские монастыри-форты, двумя гигантскими полукольцами — большим и малым — охватившие город с юга и с севера, создавали неприступную оборону города и не раз спасали столицу от нашествия врагов.

Это была глубоко продуманная система укреплений, образец древнего военно-инженерного искусства. Нигде нет ей равной. Она была в свое время одной из сильнейших в мире и до сих пор остается одной из прекраснейших.

Я, как и все мы, имел право и должен был гордиться этим инженерно-архитектурным чудом, но не гордился. Я ведь ничего не знал».

В Кремле был разрушен выходивший своим фасадом на Ивановскую площадь Чудов монастырь. Он с самого начала (основан в XIV веке) был «учительным» и ученым. Это было место пребывания при-

езжающих из Греции и южнославянских земель ученых монахов и епископов. Летописи свидетельствовали, что в Чудовом жил известный средневековый философ Максим Грек. В XVII веке в монастыре была учреждена Греко-латинская школа, позже преобразованная в Славяно-греко-латинскую академию. Наставниками юношества в ней были известные мыслители-ученые Арсений Грек и Епифаний Славинецкий.

В 70-х годах XVIII века великий русский архитектор М. Ф. Казаков построил у Чудова монастыря двухэтажный каменный дом для митрополита. В XIX веке надстроенный на один этаж дом митрополита превращен был в Малый, или Николаевский, дворец.

Начиная с лета 1918 года по указанию В. И. Ленина на фасадах Чудова монастыря и Николаевского дворца, пострадавших от артиллерийского обстрела в ходе октябрьского штурма, велась кропотливая научная реставрация, за ходом которой Владимир Ильич следил с неослабевающим интересом.

Обидно, что и первый русский центр науки и образования, и архитектурный шедевр конца XVIII — начала XIX века в пылу реконструкции были разрушены.

Под снос попали не только церкви, но и замечательные образцы так называемой гражданской архитектуры. Обычно эти сооружения «мешали движению». Кто не знает, каким несоизмеримым с современным, можно сказать, единичным было автомо-

бильное движение в конце 20 — начале 30-х годов. Однако «ради удобства автомобилистов» были снесены Красные ворота — постройка выдающегося русского зодчего Д. В. Ухтомского и заодно с ними церковь Трех святителей.

Снесли и Сухареву башню...

У Сретенских ворот в XVII веке нес дозорную службу расположенный по Сретенке и в переулках стрелецкий полк полковника Л. П. Сухарева, по имени которого вся местность называлась Сухарево. В конце XVII века Петр I построил здесь вместо деревянных каменные ворота-башню по голландскому образцу как въездные ворота в город на шедшей от Архангельска большой торговой дороге. По обеим сторонам ворот были каменные караульни, а над ними — второй этаж «палат», от середины которого поднимался трехъярусный каменный столп. В 1698 году, возвратясь из-за границы, Петр I надстроил башню третьим этажом, а ее столп — еще двумя ярусами и поместил здесь «Школу навигацких и математических наук» — первое в России высшее светское специальное учебное заведение, давшее стране первых ученых — мореплавателей, инженеров, архитекторов, геодезистов, учителей. В башне, столп которой поднимался над уровнем Москвы-реки на 100 метров, работала в то же время астрономическая обсерватория. В 1706 году в ней впервые в России научно наблюдалось солнечное затмение. В 1715 году «Школа навигацких и математических

наук» была переведена в Петербург, и из нее позднее возникла Морская академия. В Москве же остались подготовительные училища — «цифирные школы». С 1828 по 1893 год башня была водонапорной. В 1920—1925 годах ее отремонтировали и разместили в ней Московский коммунальный музей, но, как пишет историк Москвы П. В. Сытин, «в 1930-х годах она стала мешать усилившемуся движению через площадь...».

За башню вступились многие выдающиеся деятели науки и культуры во главе с А. М. Горьким. Академик архитектуры И. А. Фомин по собственной инициативе разработал убедительный проект реконструкции площади, предусматривавший снос малоценных строений по ее периметру, что позволяло расширить транспортные возможности и сохранить Сухареву башню. Однако планировщики настояли на сносе.

В начале 30-х годов встал вопрос о сносе храма Василия Блаженного на Красной площади. Предлог тот же: мешает. Об этой истории, к счастью благополучно закончившейся, рассказывает в книге «Дороги и тропы» видный публицист, лауреат Ленинской премии В. М. Песков. Он пишет: «Можно ли представить эту площадь без храма Василия Блаженного? Скажу сейчас об удивительном факте. Я бы сам не поверил, если бы не услышал это от человека, всеми глубоко уважаемого. Вот что рассказал Петр Дмитриевич Барановский, лучший реставратор памятников нашей старины:

«Перед войной вызывают меня в одну высокую инстанцию. «Будем сносить собор, просторнее надо сделать Красную площадь. Вам поручаем сделать обмеры...» У меня тогда комок в горле застрял. Не мог говорить, не мог сразу поверить... В конце концов чья-то неизвестная мне мудрость остановила непоправимое действие. Не сломали...»

Нигилистическое отношение к памятникам истории и архитектуры отчасти объяснялось возобладавшем в ту пору вульгарно-социологическим взглядом на историю. Все, что происходило до 1917 года, было «проклятым прошлым», и только. Памятники вследствие этого подвергались запустению и разорению.

В лихую годину мы вспомнили о доблести предков.

Когда в октябре 1941 года 32-я дивизия воинов-сибиряков стала занимать боевые позиции в районе исторического Бородинского сражения, еще был открыт Музей Бородинского сражения, и командир дивизии полковник В. И. Полосухин сделал в книге посетителей запись: «Пришел Бородинское поле защищать!» Перед сражением, после боевого приказа, политруки читали воинам лермонтовское «Бородино». Дивизия стояла насмерть. Чести предков-героев советские солдаты не посрамили. Десятки вражеских танков горели у дорог, в полях и перелесках, сотни новоявленных завоевателей навсегда остались лежать на Бородинском поле. Вдоль старого Можай-

ского шоссе, на холме, у оврага — могилы бойцов и командиров 32-й дивизии, сражавшихся не щадя жизни. В Можайске похоронен комдив В. И. Полосухин. Рядом с его могилой — братские могилы павших у Бородина в августе 1812-го и в октябре 1941-го. Для нас память о них одинаково священна. Они защищали Родину!

...Проявившиеся в конце 20-х годов нигилистические тенденции привели в расстройство государственную систему охраны памятников истории и культуры. Сбережение и поддержание архитектурных и исторических реликвий было возложено на музеи, а в их распоряжении не было необходимых сил и средств. Список памятников, подлежащих охране, сократили до минимума. Да и те, что значились на госохране, уничтожались, если возникала потребность «в улучшении уличного движения или придания городу новых черт». В довершение всего были ликвидированы Центральные государственные реставрационные мастерские.

К началу 30-х годов пренебрежительное отношение к культурно-историческому наследию стало приносить столь очевидный урон, что ВЦИК и Совнарком принимают ряд постановлений. Одним из них был создан Межведомственный комитет, на который возлагались функции наблюдения за выполнением всех постановлений правительства по вопросам охраны памятников. В этих правительственных актах юридически закреплены ленинские принципы отно-

шения к культурно-историческому наследию. Сохранение памятников истории и культуры рассматривалось в них как одна из важнейших проблем формирования нового, советского общества, как один из первостепенных вопросов ленинской политики культурного строительства.

10 августа 1933 года вышло постановление ВЦИК и СНК «Об охране исторических памятников». В нем прямо говорилось, что дополнительные меры необходимы «в связи с нарушением со стороны местных органов власти действующего законодательства об охране памятников революции, искусства и культуры (самовольная сломка и переделка памятников, небрежное использование зданий, имеющих историческое значение)».

Постановление предписывало: «Запретить сломку, переделку и использование исторических памятников государственного значения (памятники революционного движения, крепостные сооружения, дворцы, дома, связанные с историческими событиями и лицами, монастыри, церкви и другие здания), а также ликвидацию музейных предметов, имеющих историко-художественное значение и находящихся в зданиях, подлежащих государственной охране...»

Однако поток разрушений и на этот раз не удалось остановить.

Особую тревогу вызывало пренебрежительное отношение к археологическим объектам. ВЦИК и Совнарком РСФСР очередным дополнительным постановлением от

10 февраля 1934 года потребовали «запретить уничтожение, повреждение и использование без разрешения Комитета по охране памятников при Президиуме ВЦИК археологических памятников (древних городищ, селищ, стоянок, мест древних горных разработок, курганов, могильников, каменных изваяний, сооружений, столбов, древних изображений и писем на камнях и скалах и т. п.), а также имеющих археологическое значение вещественных находок и кладов». Комитету по охране памятников было поручено представить в трехмесячный срок на утверждение Президиума ВЦИК список комплексных археологических памятников, имеющих крупное научное значение.

Одним из таких памятников была признана вся территория древнего Новгорода, где вскоре научная экспедиция Московского государственного университета во главе с А. В. Арциховским начала планомерные археологические исследования, давшие миру одно из крупнейших открытий в этой области — берестяные грамоты.

Постановление об охране археологических памятников помогло сберечь земляные валы в ряде древних русских городов, дало ученым права и полномочия для ведения археологических наблюдений в процессе градостроительных работ в Москве. В ходе строительства метрополитена археологические изыскания приобрели значительный размах. Рядом с проходчиками постоянно шли археологи. Они фиксировали «Москву подземную».

На сохранении и изучении культурно-исторического наследия благотворно сказались постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 года. В нем был осужден упрощенно-социологический подход к явлениям общественной жизни, применение необдуманных, не соответствующих действительности схем, искажающих конкретные исторические факты. Фальсификация истории мешала развитию советской исторической науки, оказала вредное влияние на дело патриотического воспитания. Постановление 1934 года осудило социологическое упрощение истории. В предвоенные годы усилилось патриотическое воспитание трудящихся.

Состоялось несколько экспедиций, проводимых возрожденными Центральными научно-реставрационными мастерскими. Развернулись реставрационные работы в Троице-Сергиевой лавре, работа по исследованию и реставрации памятников к 800-летию юбилею великого азербайджанского поэта и мыслителя Гянджеви Низами, изыскательские и реставрационные работы в Леките и Дербенте. Велась реставрация кремлевских башен в Москве. Намечались многие добрые начинания. Экспедиции Эрмитажа развернули археологические изыскания в Крыму, в Армении — на городищах древнего Урарту, в Узбекистане. В связи с приближавшимся 500-летним юбилеем Алишера Навои велись изыскательские и реставрационные работы в Самарканде.

Юбилей Низами и Навои отмечались уже

в блокадном Ленинграде. Об этом знаменательном событии Николай Тихонов писал во фронтовой корреспонденции: «В великолепном Эрмитаже недавно справляли юбилей великого азербайджанского писателя-человеколюбца Низами... В солнечном Баку откликнулось это торжество, и по всему Советскому Союзу узнали, что в Ленинграде жив могучий дух торжествующего творчества».

В предисловии к изданному в 1944 году капитальному труду «История и культура Урарту» доктор исторических наук Б. Б. Пиотровский сообщал: «...эту книгу я начал писать в Ленинграде зимой 1941/42 г. в свободное от оборонной работы время...» В 1946 году этому труду Б. Б. Пиотровского была присуждена Государственная премия.

Борьба за научную истину, за культурное достояние нашей великой, многонациональной социалистической Родины никогда не прерывалась. Как жизненно необходимы народу его история, его памятники, его культурное достояние — в полной мере открылось в годы Великой Отечественной войны, в суровый час испытания прочности, жизнеспособности, гуманизма Страны Советов.

«ЧТОБЫ НЕ УПАЛИ ОСНОВНЫЕ СТОЛПЫ НАШЕЙ КУЛЬТУРЫ...»

22 июня 1941 года, когда фашистская Германия, вероломно нарушив договорные обязательства, вторглась на территорию СССР, весь советский народ поднялся на защиту

Родины. И в первый же день войны началась беспримерная эпопея спасения памятников национальной культуры от фашистских вандалов.

Советское правительство, Комитет по делам искусств в первые же часы после нападения гитлеровской Германии на СССР приняли все меры для немедленной эвакуации музейных ценностей на восток.

Фашистские изверги намеревались стереть с лица земли Москву и Ленинград. Все подлежало уничтожению и разграблению. Был создан специальный штаб Розенберга по оккупированным областям. Грабежом художественно-исторических ценностей на временно оккупированной территории нашей страны занимался и особый батальон Риббентропа, который шел по кровавым следам передовых частей и собирал все, что еще не успели сжечь, разбить, разграбить солдаты вермахта. Об этих деяниях военных преступников говорилось на Нюрнбергском процессе.

Немецко-фашистские войска и специальные команды планомерно, методично осуществляли варварский план гитлеризма — уничтожение культуры советского народа, художественно-исторических ценностей, олицетворяющих эту культуру. На территории временно оккупированных областей было разрушено или уничтожено полностью около трех тысяч памятников архитектуры. Среди них такие имеющие мировую известность шедевры, как церковь Спаса на Нередице XII века, церковь Успения на Волотовом

поле XIV века, Новгородская София XI века, Дом черноголовых в Риге XIV—XV веков, Успенский собор Киево-Печерской лавры. Были осквернены, разорены усадьба Л. Н. Толстого Ясная Поляна, Пушкинский заповедник, Дом-музей П. И. Чайковского в Клину. Грабежу и разрушению подверглись Петродворец, Гатчина, Павловск, Пушкино. В Ленинграде за время блокады губительными артобстрелами и бомбежками были повреждены в разной мере все здания, объявленные классическими памятниками архитектуры. Фашисты разграбили более 400 художественных, историко-краеведческих и мемориальных музеев. Свыше 100 тысяч экспонатов было увезено в Германию.

Эти потери были бы во много крат большими, если бы не героические усилия музейных работников, советских воинов, многих и многих патриотов, сделавших все возможное для спасения памятников и музейных ценностей.

События в первые недели войны развивались драматически для Красной Армии и страны в целом. Немало музейных коллекций из городов вблизи западной границы вывести не представлялось возможным. Но эти потери составляли небольшую часть общегосударственного культурного фонда. Большая часть ценностей — самое дорогое — была вывезена и тем спасена.

Ленинский завет в любой, даже самой сложной, обстановке «приложить все усилия, чтобы не упали основные столпы нашей культуры» выполнялся в эти первые дни и

месяцы войны с поистине государственным размахом.

За несколько дней была подготовлена к эвакуации грандиозная экспозиция (полмиллиона ценнейших экспонатов) Эрмитажа, и на рассвете 1 июля 1941 года литерный поезд — 22 товарных пульмановских вагона, пассажирский вагон с музейными работниками и еще один вагон для бойцов военной охраны, две открытые платформы, на которых стояли зенитные орудия и пулеметы, — тронулся со станции Ленинград-Октябрьская. Два паровоза тянули эшелон специального назначения. Впереди, проверяя путь, мчался третий, «контрольный» паровоз. Во второй половине июля ушел второй эшелон — была вывезена основная часть запасных фондов Эрмитажа.

В начале июля на товарной станции Казанского вокзала в Москве грузили в специальный эшелон с усиленной охраной 634 ящика с картинами, графикой, скульптурой русских мастеров. Эвакуировалась Третьяковская галерея. Вместе с Третьяковкой на восток отправляли коллекции Музея изобразительных искусств имени Пушкина, Музея нового западного искусства и восточных культур, архивы и экспонаты Музея музыкальной культуры.

Нередко музейные ценности приходилось вывозить буквально под огнем противника. Самоотверженность директора Феодосийской картинной галереи имени И. К. Айвазовского Н. С. Барсамова и помощь военных моряков спасли от гибели редкостную кол-

лекцию. Рулоны с холстами И. К. Айвазовского были погружены на последний отходящий транспорт, когда в порту шел бой с фашистами.

И еще факты.

...Уже более семи тысяч предметов искусства вывезено из дворца-музея Павловска. Грузовики приходят все реже. С последним отправляют подлинные чертежи и рисунки создателей Павловска архитекторов Ч. Камерона, К. Росси, Д. Кваренги, А. Воронихина, П. Гонзаго. Директор музея Анна Ивановна Зеленова аккуратно срезает шелк с мебельного гарнитура, сделанного по рисункам А. Воронихина. Казалось, это было последнее, что еще можно спасти. Но в здании дворца и в парке оставалась уникальная коллекция античной скульптуры. Непривычные к такой работе женщины (откуда силы берутся!) снимают с пьедесталов мраморные статуи. Уложив на ковровые дорожки, перетаскивают их по залам и застеленным досками лестницам в подвальное помещение. Подвал закладывают кирпичом. Забрасывают новую кладку грязью, песком. И без промедления, не обращая внимания на рвущиеся снаряды и бомбы, закапывают в глубокие ямы парковые статуи. Враги не нашли павловскую коллекцию скульптуры.

То же происходило в Петергофе (Петродворце). Фронт стремительно приближался. Сотрудники музеев днем и ночью грузили на машины картины, фарфор, зеркала, стильную мебель, архивы. Только небольшую часть скульптур удалось вывезти в Ле-

нинград. Множество чудесных статуй, украшавших каскады и аллеи, решили зарыть в землю. При этом, словно не замечая чрезвычайности обстановки, успели составить планы тайников. Как только из Петродворца были выбиты фашисты, принялись за поиски статуй.

Среди «военных объектов» на картах фашистских летчиков и артиллеристов значились музеи, дворцы, школы Ленинграда. Над ними нависла угроза в первые же дни войны. Стояли белые ночи — наилучшая пора для стервятников с бомбовым грузом. Начальнику государственной инспекции по охране памятников Ленинграда Н. Н. Белехову было поручено в срочном порядке укрыть скульптурные и архитектурные шедевры великого города от бомбежек. Летом немецкие самолеты ни разу не смогли прорваться в небо Ленинграда. Воздушные бои кипели на дальних подступах. Когда 8 сентября фашистские бомбардировщики впервые прорвались к Ленинграду и на улицах загремели взрывы, большая часть памятников была спрятана. В докладной записке, адресованной Комитету по делам искусств, Н. Н. Белехов писал: «Уже на второй день войны, 23 июня 1941 года, Отдел охраны памятников, преобразованный в Государственную инспекцию, представил в исполком Ленгорсовета план первоначальных мероприятий по защите важнейших архитектурно-художественных ценностей города. К 1 июля был разработан план маскировки высотных объектов».

Как ни сложно это было, план маскировки осуществили полностью. Созданная инспекцией бригада высотников из опытных альпинистов закрасила золотые купола Исаакиевского собора, на блестящий шпиль Адмиралтейства, Инженерный замок надели чехлы из парусины. Серой краской покрыли шпиль Петропавловской крепости. Ленинградские художники превращали пустыри в «площади», а знаменитые архитектурные ансамбли — в «парки» и «скверы». Театральные декораторы превратили Смольный в просторную «лесную поляну» с группами «деревьев», нашитых на маскировочную сетку. Маскировка скрыла многие жизненно важные объекты и выдающиеся памятники города.

Особое значение придавалось укрытию наиболее ценных монументов города. Специальными защитными устройствами были укрыты памятники Ленину у Финляндского вокзала и у Смольного, Кирову на Кировской площади, Петру I у Сената, Крузенштерну на набережной Лейтенанта Шмидта, скульптурная группа «Мир и изобилие», светильники на набережной Невы у Академии художеств, памятник Крылову. Была укрыта в здании Академии наук мозаика Ломоносова «Полтавская баталия». Были зарыты в землю все скульптуры в Летнем саду, памятники Чернышевскому, Петру у Инженерного замка, Александру III, скульптурное изображение Анны Иоанновны, две скульптуры Диоскуров, кони с Аничкова моста, два льва «Ши-цзы».

Эти меры обеспечили безопасность многим ленинградским памятникам и монументам. Они остались невредимыми.

Нередко буквально из огня спасали художественные ценности и исторические реликвии советские воины. Сотрудники Изюмского краеведческого музея погрузили все экспонаты на телеги, а бойцы прицепили телеги к танкам и доставили музейный обоз в безопасное место.

В один из июньских вечеров 1942 года пять «юнкерсов» прицельно бомбили здание панорамы «Оборона Севастополя». Выдающееся творение Ф. А. Рубо стояло в боевом строю: прибывавшие в Севастополь части и подразделения знакомились с панорамой, проникаясь боевым духом обороны 1854—1855 годов. В годы войны история, героическое прошлое, памятники национальной культуры помогали сражаться против фашизма. Севастопольская панорама была в прямом и переносном смысле на переднем крае этого сражения. Не случайно гитлеровцы решили расправиться с ней.

Один за другим пикировали «юнкерсы», сбрасывая фугасные и зажигательные бомбы. Из окутавших здание черных клубов дыма стало вырываться пламя. Спасать панораму бросились курсанты военно-морского училища береговой охраны. Вместе с ними был художник Севастопольского Дома флота старшина первой статьи Семен Аннопольский. Он приказал ножами и топорами рассекать огромный холст «Обороны Севастополя» на куски и сворачивать в рулоны.

Огонь с разных сторон подбирался к полотну. Горящие головешки и балки падали на матросов. Загоралась одежда. Несколько часов шел этот бой с огнем. Восемьдесят шесть кусков картины скатали в рулоны, обернули матросскими одеялами. Поздно вечером командующий Севастопольским оборонительным районом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский подписал приказ о том, чтобы подготовить отправку панорамы, а капитану III ранга Ярошенко — принять ее на борт эсминца «Ташкент» для отправки на Большую землю. Ночью на пришедший в осажденный город лидер эсминцев «Ташкент» спешно погрузили раненых и «Севастопольскую панораму». Осенью 1942 года обожженные куски панорамы Рубо прибыли в Новосибирск. В дальнейшем ее передали в руки опытных реставраторов С. Чуракова и Е. Кудрявцева.

В Новосибирске нашла пристанище Третьяковская галерея, коллекции пригородных музеев Ленинграда, смоленские, новгородские, псковские коллекции. В Свердловске оказался Эрмитаж, в Кустанае — Государственный Исторический музей, в Перми — Русский музей, в Томске — яснополянские реликвии и архивы советских писателей, в Горьком — Библиотека имени В. И. Ленина.

Комитет по делам искусств при СНК СССР в годы войны провел огромную организаторскую работу по отправке на восток, подальше от надвигающейся войны, музейных собраний, библиотечных фондов, реквизита крупнейших театров. Эвакуация прово-

дилась по-военному четко и организованно, маршруты следования литерных эшелонов, караванов барж держались в строжайшей тайне. Только по прибытии на место сотрудники музеев и библиотек узнавали, где им предстоит работать. О том, как проходила переброска национального культурного фонда на восток, рассказывает в книге «Хранители вечного» журналист С. Разгонов. Он пишет: «...вечером 28 июля 1941 года отчалил караван барж от причалов Южного порта Москвы. На баржах отправлялось в эвакуацию «Госхранилище № 1»: ценнейшие коллекции Исторического музея, музеев Революции, Восточных культур, Биологического и Этнографического, наиболее ценные книги Библиотеки имени Ленина, библиотек Исторической, Иностранной литературы. Никто, кроме комиссара эвакуируемой группы Григория Ивановича Петровского, старого большевика и близкого соратника Ленина, не знал, что путь каравана лежит на Волгу, в город Хвалы́нск. Поздней осенью, когда в Приволжье стали появляться немецкие бомбардировщики, пришлось сниматься с места и ехать в Кустанай... Путь, начатый в Москве в конце июля, закончился в Кустанае, когда уже ударили лютые декабрьские морозы. Хранители Исторического музея, сопровождавшие Госхранилище, добрались до места почти все больные малярией, некоторые с обмороженными руками или ногами. Три года жили в Кустанае, берегли сокровища московских музеев. Ни одна вещь за эти годы не разбилась, не за-

ржавела. Все вернулось в Москву невредимое и по-прежнему служит нашему народу».

Нелегко дались эти три года эвакуации тем, кто оказался в Новосибирске и Томске, Перми и Горьком, Свердловске и Кустанае. Невероятно сложно было обеспечить нормальные условия хранения. Нехватка топлива, скудное питание, напряженный труд и постоянные переживания за судьбу доверенного народного достояния были спутниками тех, кто оказался в эвакуации. Но эти трудности не идут ни в какое сравнение с тем, что довелось пережить музейным работникам, оставшимся на своих постах в блокадном Ленинграде.

Титанический труд был проделан сотрудниками Эрмитажа по спасению оставшихся в музее произведений искусства. Вот один пример. Каменный пол подвалов под залом Афины засыпали песком. Здесь решили разместить фарфор. Нужно было укрыть тысячи предметов. За это дело взялись женщины. Каждую хрупкую драгоценную вещь до половины закапывали в песок. Фарфоровые статуэтки, вазы, канделябры, обеденные, чайные и кофейные сервизы расставляли по размерам и по стилям — давала себя знать профессиональная привычка. Работали две недели. Начались бомбежки и артобстрелы. Но фарфор остался невредимым. Блокадной весной, когда из труб хлынула вода и подвал затопило, его с еще большим упорством спасали от гибели.

В первый период блокады многие сотрудники Эрмитажа дежурили на крыше. Сюда

поднимались вышковые наблюдатели: они обязаны были оповещать штаб МПВО об очагах поражения в зоне видимости.

В решающие дни ожесточенного сентябрьского штурма 1941 года сотрудники Эрмитажа вместе с другими ленинградцами строили за Нарвской заставой, близ Кировского завода, оборонительные рубежи.

Вражеский штурм захлебнулся. Началась осада. В директиве ставки Гитлера ставилась ужасающая своей бесчеловечностью, варварская цель: «Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли... Предположено тесно блокировать город и путем обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбежки с воздуха сровнять его с землей». Артиллерийский обстрел и бомбежки осенью 1941 года велись фашистами методично, интенсивно. В сентябре по Ленинграду было выпущено 5364 снаряда, в октябре — 7590, бомб сброшено в сентябре 16 087 и в октябре 44 102.

Как свидетельствовал на Нюрнбергском процессе директор Эрмитажа академик И. А. Орбели, в здание Эрмитажа попало 30 снарядов и каждый из них нанес жестокий урон одному из крупнейших музеев мира. Выбитые стекла, разрушенные межэтажные перекрытия, зияющие отверстия в кровле, начинающиеся после обстрелов и бомбежки пожары, потоки воды, обрушившиеся весной на уникальные паркетные покрытия полов дворцовых зал, губительная для лепнины стен и потолков плесень, угроза гибели от бомб, снарядов, атмосферных

осадков и холода сотен тысяч оставшихся в Эрмитаже экспонатов — все эти катастрофические последствия военной блокады надо было преодолевать, чтобы Эрмитаж выжил. Вместо стекол вставляли фанеру, заделывали подручными средствами отверстия в крышах, ликвидировали пожары, непостижимым образом справлялись и с весенними протечками.

Страшнее всего был голод. Весной 1942 года из подвалов-бомбоубежищ, где осенью и зимой 1941 года жили сотрудники Эрмитажа, бригада по захоронению вынесла сорок шесть трупов.

Но Эрмитаж выдержал все испытания. 8 ноября 1944 года, десять месяцев спустя после снятия блокады, в дворцовых залах вспыхнули люстры. Паркет, натертый до довоенного блеска, отразил хрустальные гроздья. В Государственном Эрмитаже открылась выставка памятников искусства и культуры, хранившихся в Ленинграде в дни войны.

В Исаакиевском соборе долгие блокадные дни сберегались коллекции многих других музеев великого города и немало вещей из пригородных дворцов — все то, что не успели эвакуировать на восток. В недоступных для разрушительных бомб и снарядов подвалах Исаакия среди ящиков с экспонатами трудились хранители.

В советских людях жила неодолимая вера в то, что фашизм будет раздавлен. Ленинградский обком партии, Военный совет фронта, Комитет по делам искусств при

СНК СССР заботились о том, чтобы блокадные испытания не разрушили коллектив Эрмитажа. Эвакуировались в тыл крупные специалисты. Весной 1942 года, чтобы избежать дальнейших потерь от дистрофии, в Эрмитаже для научных работников и деятелей искусства и культуры был оборудован лечебный стационар на сто человек. Это спасло жизнь многим музейным работникам.

Трудно сказать, вспоминались ли тогда кем-либо слова Владимира Ильича Ленина, сказанные Луначарскому в начале 1918 года: «Совершенно необходимо приложить все усилия, чтобы не упали основные столпы нашей культуры». Возможно, и вспоминались, ибо они были приведены в сборнике «Ленин о культуре и искусстве», выпущенном ИЗОГИЗОМ в 1938 году. Но знаменательно то, что в момент величайшего напряжения всех сил народа, страны в борьбе с фашистскими захватчиками ленинское отношение к культурно-историческому наследию, ленинская забота о том, чтобы не упали основные столпы нашей культуры, воплощались в актах государственного значения, в самоотверженности музейных работников, в прочном осознании всеми борющимися за честь, свободу, независимость Родины значения культурно-исторического наследия.

Шла тягчайшая осень 1943 года, а в героическом городе на Неве по решению Ленинградского городского комитета партии и исполкома городского Совета было открыто специальное училище для подготовки высококвалифицированных строителей, маляров,

живописцев, лепщиков, стекольщиков-вitraжистов, мраморщиков, резчиков по дереву, позолотчиков, кузнецов по художественной ковке, столяров-краснодеревщиков для реставрации и наиболее сложных отделочных работ в жилых и общественных зданиях, пострадавших в период блокады.

В училище направляли подростков. Л. Н. Тимофеев, художник-декоратор, который окончил эти курсы, рассказывал, как они учились. Классы и мастерские устроили в обычном школьном здании. Когда перетаскивали оборудование, шел артобстрел. К грохоту разрывов так привыкли, что работу не прекратили. Снаряд попал в группу ребят, окружавших столярный станок. Во время занятий бомбежки и обстрелы не давали сосредоточиться, и преподаватель рисунка, встав спиной к окну, за которым рвались бомбы или занимался очередной пожар, ровным, нарочито спокойным голосом говорил: — Не отвлекайтесь. Рисуйте Гомера.

В классе на высокой подставке стоял гипсовый слепок античного бюста Гомера...

В первые послевоенные годы выпущенные этим училищем мраморщики, лепщики, живописцы, позолотчики, столяры-краснодеревщики стали решающей силой в развернувшихся в Ленинграде и пригородных дворцах восстановительных работах.

В дни блокады Ленинградская инспекция по охране памятников готовила проекты возрождения пригородов. Архитекторы исследовали архивы, чертили фасады дворцов Пушкина и Павловска.

Немедленно по освобождении оккупированных территорий музейные специалисты, реставраторы приступили к воссозданию музеев, восстановлению поврежденных во время военных действий или взорванных и сожженных фашистами памятников истории и культуры. В сентябре 1942 года открылся мемориальный музей Л. Н. Толстого в Ясной Поляне.

Летом 1944, как только были освобождены Пушкинские Горы и Михайловское, сюда, на дымящиеся развалины дорогого сердцу каждого русского человека Пушкинского заповедника, с котомкой за плечами пришел инвалид войны Семен Гейченко. Его многолетняя самоотверженная работа на посту директора заповедника дала удивительные результаты. Были воссозданы сожженные фашистами дом поэта и все усадебные постройки, восстановлены в первоначальном виде сооружения Святогорского монастыря с могилой А. С. Пушкина, разрушенные и оскверненные оккупантами.

За послевоенные годы скромный музей в псковской глуши вырос в крупнейший музейный комплекс мирового значения. Каждый год поклониться памяти поэта, ощутить атмосферу Михайловского, увидеть своими глазами Петровское и гору Воронич, дуб заветный и скамью Онегина над Соротью, озеро Маленец и Тригорское, келью Варлаама и домик няни Арины Родионовны приезжают сотни тысяч людей со всех концов страны, тысячи зарубежных гостей. Каждый из побывавших в Пушкинском заповеднике уно-

сит в сердце благодарное чувство к человеку, сотворившему чудо, сохранившему, воссоздавшему пушкинский мир. Имя этого человека широко известно у нас в стране. Ныне Семен Степанович Гейченко — заслуженный деятель искусств РСФСР, кавалер орденов Октябрьской Революции и Дружбы народов.

Важные меры по восстановлению разрушенных фашистами древних русских городов были проведены советским правительством еще во время освобождения оккупированных врагом территорий страны.

Выдающийся советский зодчий А. В. Щусев в 1942—1944 годах вдохновенно работает над проектами возрождения подмосковного города Истры и древнего Новгорода. Щусевский проект восстановления превращенного в руины Новгорода сыграл огромную роль в налаживании жизни города, восстановлении и реставрации архитектурных памятников, сохранении в неприкосновенности уникальных археологических богатств.

Возрождение к жизни памятников явилось частью общего подъема патриотических чувств народа-победителя. В истории человечества не найти фактов подобного масштаба деятельности по восстановлению национальных культурных ценностей. История человечества не знала и таких масштабов разрушения, какие вызвало фашистское нашествие на нашу страну.

В книге «Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР», изданной Академией наук вскоре после войны, И. Э. Грабарь писал: «...частичные разру-

шения, обычные для прошлых войн, в корне иной природы, нежели разрушения, совершенные фашистами. Тогда они являлись в результате боевых действий, теперь, впервые в истории, они производились преднамеренно, планомерно, по прямому предписанию Гитлера и его генералов-вандалов, объявивших на весь свет, что «памятники искусства на восточном фронте не имеют значения и подлежат разрушению»...

Зачинщики и организаторы последней мировой бойни понесли заслуженную кару, но памятники культуры погибли; великолепные сооружения, прекрасные произведения живописи и скульптуры, созданные гением великого русского народа, либо уже невозможны, либо искалечены до неузнаваемости.

Пусть настоящая скорбная книга, отмечающая лишь малую часть погибших художественных сокровищ, поведает всему миру о злодейских делах нацистов и напомнит о великолепии, бывшем до их прихода».

Однако наш народ, наше социалистическое государство не могло смириться с мыслью, что фашистам удалось лишить нас памятников мирового значения. За памятники-святыни началась борьба. За каждый из них. Тогда, в первые послевоенные годы, трудно было предвидеть итоги. И сегодня еще не поставлена точка. Борьба продолжается.

В феврале 1944, через три недели после снятия блокады, в Ленинградском Доме архитектора проходило заседание, посвященное возрождению Петергофа, Павловска,

Пушкина. С докладом выступал Н. Н. Белехов. Он утверждал, что дворцы и парки можно восстановить. Радио и газеты сообщили об этом всей стране. Началась беспрецедентная по своим масштабам и сложности работа. Свыше 300 миллионов рублей затрачено на воссоздание выдающихся творений русской культуры — дворцов-музеев в пригородах Ленинграда.

Однако никакие миллионы не способны были совершить то, что сотворили любовь и вера.

При спешной эвакуации художественных ценностей Петергофа не смогли демонтировать и вывезти главную скульптуру Большого фонтанного каскада — «Самсона» работы М. И. Козловского. Фашисты увезли «Самсона» в Германию и бросили статую в медеплавильную печь. Казалось, эта потеря невозполнима.

В дни, когда фашистов погнали от Ленинграда и в Петергоф снова вступили советские войска, Ольга Берггольц писала:

Пришли — и, символом свершенной мести,
В знак человеческого торжества
Воздвигнем вновь, на том же самом месте,
Самсона, раздирающего льва.

Да, «Самсон» — скульптура, символизирующая победу Петра I, победу русского оружия над армией Карла XII в Полтавском сражении, должна встать на некогда сооруженный для нее великим русским архитектором Воронихиным постамент. Не оставалось ничего другого, как воссоздать скульп-

штuru по фотографиям и другим документальным источникам.

Вместе с заведующим отделом скульптуры Русского музея Григорием Макаровичем Пресновым скульптор Василий Львович Симонов приступил к кропотливому изучению пластических особенностей стиля М. И. Козловского. Манера Козловского постепенно становилась достоянием Симонова. Только после такой подготовки Василий Львович приступил к эскизной работе. Контуры с наиболее удачных фотографий погибшего «Самсона» скульптор перенес на прозрачный экран и по ним выверял свой пробный эскиз. Такая же тщательная корректировка велась при исполнении модели в одну треть натуральной величины.

Летом 1947 года «Самсон» был отлит на ленинградском заводе «Монументскульптура». Грузовик с сияющей новой бронзой скульптурной группой на всем пути до Петергофа сопровождали толпы восхищенных ленинградцев. «Самсона» приветствовали, ему кланялись. Возрожденный «Самсон» стал символом полной победы над варварством разбитых фашистских завоевателей.

Более четверти века ушло на восстановление Павловского дворца и парка — творения великих зодчих и скульпторов Камерона и Бренны, Воронихина и Росси, Гонзаго и Кваренги, Мартоса и Козловского. Павловский дворец-музей давал возможность проследить смену архитектурных направлений в XVIII—XIX веках, уяснить сущность творчества выдающихся зодчих. Здесь можно бы-

ло видеть не только развитие стилей, мастерство композиции, но и высокое качество строительной техники того времени. Дворец-музей широко раскрывал громадный исторический материал в предметах прикладного искусства, обстановке зал, картинных галереях, архивах и библиотеке.

После освобождения в январе 1944 года Павловск являл собой печальную картину. Уничтожен парк: вырублено свыше 70 тысяч деревьев. Предан разрушению и огню дворец-музей. Весь декор залов уничтожен. Зеленая мраморная колоннада в Греческом зале рухнула. Выжженным, без пола и потолка, стоял Кавалерский зал.

Трудным, но возможным делом представлялось восстановление дворцового здания, воссоздание по рисункам, обмерам, фотографиям, типологическим образцам мебели, драпировок, наборных паркетных полов. Но как вернуть, казалось бы, навсегда потерянные росписи стен и плафонов?

За реставрацию почти полностью погибших росписей взялся Анатолий Владимирович Трескин — талантливый художник-монументалист, знаток старой живописи. Он возглавил бригаду художников, так же как и он, одержимых этой идеей.

На исполнение дерзкого замысла ушли годы. На каждом шагу — встреча с неведомым, непознанным. Приходилось вести эксперименты — осваивать на ходу разную живописную технику. В итоге упорного труда в конце концов удалось найти забытый живописный рецепт.

Роспись каждого зала Павловского дворца детально обсуждалась специалистами. Сначала Трескин представлял на суд экспертов эскиз в одну десятую натуральной величины плафона или стенописи. Если комиссия утверждала эскиз, начиналась работа над картоном-рисунком в полный размер. Потом художник выполнял эталоны — композиции в цвете натуральной величины. Эталоны примеривались к стенам. Только тогда комиссия разрешала приступать к росписи. Реставрация не шла по принципу «похоже», а представляла собой точное, научно обоснованное воссоздание утраченного.

Залы, кабинеты, будуары, вестибюли Павловского дворца можно пройти за несколько минут. Тринадцать лет потребовалось на это бригаде Трескина! Тринадцать лет, заполненных творческим напряжением, поисками аналогий для документального восстановления, тяжелым физическим трудом.

На фасаде Гатчинского дворца, разрушенного, разоренного, оскверненного фашистами, оккупанты оставили многозначительную надпись: «Здесь мы были. Сюда мы больше не вернемся. Если придет Иван, все будет пусто. 28. X. 1943 г.» Что здесь были вандалы-фашисты, — бросалось в глаза все годы, пока самоотверженный труд реставраторов не стер следы их гнусных деяний.

В руинах лежали Новгород и Псков. Люди ютились в землянках и уцелевших подвалах разбитых домов, а реставрация новгородских древних храмов-памятников шла полным ходом. Пострадавшие от войны нов-

городские храмы восстановлены все до единого.

И все же горестные слова академика Грабаря о погибших, невозстановимых художественных сокровищах не были необоснованным пессимизмом старого ученого. В то время как в Новгороде завершались починки, реставрации в Детинце, в Юрьеве монастыре и на всех знаменитых пяти концах «великой русской республики средневековья», в луговой пойме Волхова, Волховца, Мсты пребывали в состоянии безжизненных руин всемирно известные шедевры древнего зодчества с гениальными стенными росписями. Огонь немецкой артиллерии превратил в груды битого кирпича расписанные фресками новгородские храмы. Среди них всемирно известные шедевры XII—XIV веков — церкви Спаса Нередицы, Николы на Липне, Михаила на Сквородке, Спаса на Ковалеве, Волотовский храм.

Существовавшие обмеры, фотофиксация, разборка руин позволили с большой степенью достоверности восстановить архитектурный облик церкви Спаса Нередицы. Воссоздали и Николу на Липне. Этот храм, построенный в конце XIII века, знаменовал собой начало новой эпохи в зодчестве Новгорода. Со времени татаро-монгольского нашествия на Русь здесь не строили каменных храмов. Характерные черты зодчества Новгорода XIV—XV веков определились постройкой Николы на Липне.

При возобновлении Спаса Нередицы и Николы на Липне смирились с гибелью фресок,

а они составляли бесценное достояние этих храмов. При разборке руин Спаса Нередицы наиболее крупные куски штукатурки с фресками собрали в корзины и свезли в Новгородский музей-заповедник. Но оказалось — считать фрески размолоченных в мелкое крошево древних храмов безнадежно потерянными было рано. Нашли способ вернуть из небытия и их.

Пятнадцать лет увлеченного, вдохновенного труда и небывалого терпения отдал спасению, возрождению к жизни гениальных фресок церкви Спаса на Ковалеве художник-реставратор Александр Петрович Греков. До последней мелкой крошки перебрал он завалы обрушенных снарядами стен Спаса на Ковалеве. В лаборатории, оборудованной в новгородском Детинце, Александр Петрович по крупницам собирал утраченные лики, целые композиции. Сколько раз бывало так: найдены и составлены почти все фрагменты фигуры или лика, но нет частички, которая заключает в себе зрачок глаза. И поиск, упорный, проникнутый верой, продолжался. Так искал он осколок зрачка царицы Елены из композиции «Константин и Елена», и его радости не было границ, когда среди обломков стеной штукатурки блеснул пронзительно голубой, как самородный лазурит, крохотный осколок.

Год 1968-й. Летний экспедиционный лагерь Грекова, разбитый на зеленом холме у накрытых временной крышей руин Спаса на Ковалеве. Расчистка завалов заканчивается. Александр Петрович демонстрирует гостям

технологии добычи драгоценных крупиц фресок из горки мелкобитого кирпича, штукатурки, строительной пыли. Работа ведется с увеличительным стеклом. «Первые раскопки убедили нас,— разъясняет он свой метод,— что основная масса штукатурки с фресками лежит в нижнем слое толщиной до восьмидесяти сантиметров: от взрывной волны раньше обрушился левкас, на который древний живописец наносил темперу, а сверху их завалило обломками стен и сводов. Очень скоро мы нашли фрагменты одной из лучших композиций росписи — «Константин и Елена». Нам помогали тогда студенты МГУ, приехавшие в археологическую экспедицию. Кусочки гениальной живописи ребята складывали в отдельный ящик, чтобы потом по обломкам, по крупицам, как в мозаике, собирать уцелевшие части фигур. Это был первый ящик с фресками Спаса на Ковалеве».

Всего их более пятисот. Свыше ста квадратных метров живописи далекого XIV века собраны на фанерных щитах. Здесь — выдающееся произведение древнерусской живописи композиция «Не рыдай мене, мати!», великолепные, торжественные «Константин и Елена», «Пророк со свитком», «Портрет юноши-воина».

Каждый приезд в Новгород дарит новостями. Несколько лет назад восстановили архитектурный облик разрушенной фашистами церкви. Утверждено предложение Грекова закрепить спасенные фрески на титановых щитах особой конструкции под сво-

дами восстановленного храма. Титан — легкий, прочный, вечный материал, и собранные на титановых щитах шестисотлетние фрески Спаса на Ковалеве будут восхищать и потрясать многие поколения людей.

Методом Грекова будут восстанавливаться фрески и в других храмах.

Реставрационная наука родилась на заре Советской власти. Наши реставраторы, спасая от окончательной гибели разрушенные фашистами памятники, своим вдохновенным творчеством зачастую превращали их в ценности нового, высшего порядка.

Собор Черниговского монастыря, больше известный под названием Пятницкой церкви, принадлежит к числу тех памятников древнерусской архитектуры, которые вследствие позднейших крупных перестроек настолько изменили свой облик, что почти невозможно разглядеть их подлинные черты, отражающие характерные особенности эпохи и стиля. Он не имел точной летописной датировки и был капитально перестроен в конце XVII века в стиле украинского барокко, сохранив лишь незначительные черты древности. Исследовательские работы, начатые в канун Великой Отечественной войны, не позволили тогда включить Пятницкий собор в число научно определенных, документированных объектов культуры. Памятник был одет в непроницаемую броню новых кирпичных облицовок, штукатурки, масляной краски и для проведения исследовательских работ необходима была серьезная организация дела.

26 сентября 1943 года взрыв на три четверти снес западную и южную стены Пятницкого собора, обрушились два западных пилона, почти все своды и купол. Завал в храме достигал семиметровой высоты. Но руины обнажили сложнейший конгломерат кирпичных кладок различного времени и характера. Это позволило П. Д. Барановскому убедиться в том, что все основные конструктивные элементы здания, включая своды и основные главы, были, в опровержение существующих описаний, сложены из одинакового материала — терракотовых пластин, называемых плинфами. Это строительный материал зодчих домонгольской эпохи. Открытие было очень важным. Все памятники Древней Руси домонгольского периода, казалось, давным-давно известны науке.

В то же время обнаружили ступенчатые своды, которые, по сложившимся представлениям, несвойственны были русскому зодчеству домонгольской эпохи. Несмотря на зимнее время, превратившее руины в обледенелую скользкую глыбу, Барановскому удалось провести исследование и определить в основных чертах первоначальную архитектуру памятника. Оказалось, что ступенчатые своды и все прочие конструктивные части памятника сложены на розовой цемяске (раствор с примесью толченого кирпича), применявшейся в строительстве только в домонгольское время.

Изучение летописных данных и сопоставление Пятницкого храма с некоторыми близкими ему памятниками позволили Ба-

рановскому заключить, что его строил «приятель» князя Рюрика Ростиславовича, одного из героев «Слова о полку Игореве», «художник и мастер непростой» Милонег, и произошло это на рубеже XII—XIII веков. Столь яркое и самобытное творение по плечу только очень большому мастеру, каким и был Милонег. Собор с его ярко выраженными национальными формами пока единичное явление в архитектуре Древней Руси, представляющее собой одно из самых блистательных созданий древнерусского искусства.

Ныне восстановленный, храм восхищает благородством архитектурных форм и изяществом декора.

Еще одна уникальная работа — воссоздание панорамы «Оборона Севастополя». Настал час, и во вновь отстроенном музейном здании на Историческом бульваре Севастополя надолго «прописалась» бригада художников во главе с известным советским баталистом П. П. Соколовым-Скаля. Около года работали художники над восстановлением «Обороны Севастополя».

Советскими мастерами успешно проведены реставрационно-восстановительные работы в «Склепе Деметры» близ Керчи — памятнике античной стенописи, относящемся к первой половине I века н. э. Оскверненный и в значительной мере разрушенный фашистами, памятник приведен в экспозиционное состояние.

В Риге восстановлен разрушенный в июне 1941 года фашистской бомбой «Дом

черноголовых» — замечательный образец общественного здания первой половины XIV века.

Вражеский снаряд срезал шпиль красивейшего средневекового здания Таллина — церкви Нигулисте. Ныне восстановленный шпиль — украшение силуэта древней столицы Эстонии.

Завершена работа по реставрации памятников Новгорода, Пскова, Киева, Чернигова, Севастополя. Проведены уникальные работы по воссозданию дворцов-музеев в пригородах Ленинграда. Восстановлено свыше двух тысяч ценнейших архитектурных памятников. Мастерство, талант советских специалистов-реставраторов позволили вернуть к жизни выдающиеся ценности культурного достояния нашего народа. С гордостью за наше социалистическое Отечество можно сказать, что благодаря неустанной государственной заботе о памятниках «не упали основные столпы нашей культуры». Возрожденные из руин города, сохраненные для настоящего и будущего памятники и музеи стали символами полной нашей победы, символами гуманизма нашего общества.

«НАДО ИСХОДИТЬ ОТ ПРЕКРАСНОГО»

Превращенные в руины дворцы в пригородах Ленинграда. Покалеченные бомбами и снарядами древние храмы Новгорода и Пскова. Опаленные огнем войны старинные усадьбы...

Восстановление разрушенных фашистами памятников культуры потребовало чрезвычайных усилий, больших материальных средств. Спасали, вырывали из небытия памятники национальной культуры, загубленное прекрасное. Эта трудная, возвышенная работа велась воистину с государственным размахом. Еще в тяжелейшем 1942 году при Комитете по делам искусства СНК СССР была создана Комиссия по учету и охране памятников. Она провела учет разрушенных памятников истории и культуры во фронтовой полосе. В 1943 году был образован Комитет по делам архитектуры при СНК СССР. В его составе стало действовать Главное управление охраны памятников. Это управление руководило восстановительными работами.

Кое-кому такая трата сил и средств могла показаться преждевременной. Но сколько радости доставлял пережившим блокаду ленинградцам каждый успех реставраторов, трудившихся в Петродворце и Пушкине, Павловске и Гатчине! Какую гордость за Советскую Родину вызывали сообщения об открытии музеев в Ясной Поляне и Клину!

Людям невольно вспоминались расклеенные в октябрьские дни 1917 года на стенах домов и афишных тумбах листки с воззванием Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов: «Граждане, старые хозяева ушли, после них осталось огромное наследство. Теперь оно принадлежит всему народу. Граждане, берегите это наследство, берегите картины, статуи, здания — это во-

площение духовной силы вашей и предков ваших.

Искусство — это то прекрасное, что талантливые люди умели создать даже под гнетом деспотизма и что свидетельствует о красоте, о силе человеческой души.

Граждане, не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, здания, старые вещи, документы, — все это ваша история, ваша гордость. Помните, что все это почва, на которой вырастет ваше новое народное искусство».

Вспомним, что те же мысли и чувства обобщены в чеканной ленинской формуле, записанной архитектором И. В. Жолтовским после беседы с Владимиром Ильичем в один из мартовских дней 1918 года:

«Говоря о пути развития советской культуры, Ленин во время одной из бесед горячо отстаивал подлинную красоту в искусстве. Надо, сказал он, исходить от прекрасного, беря его как образец для формирования художественной культуры социалистического общества».

Возрождение разрушенных фашистскими вандалами памятников архитектуры стало общегосударственной задачей. Предметом внимания становятся не только пострадавшие от войны шедевры архитектуры, но и весь историко-культурный фонд страны. Принятое в октябре 1948 года постановление Совета Министров СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры» с исчерпывающей полнотой освещало теоретическую и практическую сторону задачи

сохранения культурного наследия, четко регламентировало отношение государства, арендаторов архитектурных сооружений к памятникам. Вновь, как в послереволюционные годы, были поставлены на государственный учет и охрану тысячи памятников. В дополнение к постановлению была разработана детальная инструкция, не потерявшая своего значения по сей день. Одним словом, памятники получили безусловную государственную поддержку, их роль и значение в жизни общества были освещены мощным светом научной мысли.

Недостаток средств, нехватка специалистов, слабость материально-технической базы не позволяли в то время в полной мере реализовать положения правительственного постановления. Тем не менее значение этого государственного акта трудно переоценить. Был произведен учет известных, изученных памятников, составлены и утверждены государственные списки охраняемых законом историко-архитектурных объектов.

В местах сосредоточения большого количества памятников архитектуры по решению Комитета по делам архитектуры при Совете Министров СССР создали научно-реставрационные производственные мастерские. Они начали действовать в Новгороде, Московской, Владимирской, Ярославской областях.

Вот как это начиналось. Рассказывает А. Д. Варганов — архитектор-художник, самоотверженному труду которого мы обяза-

ны сегодняшним преуспеванием Суздаля, всемирно известного города-заповедника. Сначала памятники всесторонне обследовали и составили ведомости на аварийные здания, рекомендации по их консервации. Большинство памятников архитектуры требовало срочных работ — «скорой помощи». «В наиболее аварийном состоянии оказались двухшатровые ворота Ризположенского монастыря, построенные суздальскими мастерами Маминым, Грязновым и Шмаковым в 1688 году. Здание ворот буквально рушилось. На всех его фасадах были большие сквозные трещины. Реставраторы проделали огромную работу по восстановлению этого замечательного памятника».

Таких же усилий потребовали здания Лазаревской церкви — памятника XVII века и других церквей. Правда, материалов было в обрез; купола на первых порах крыли толем и даже соломой. Но главное было сделано: здания спасли от разрушения.

Однако известно: без хозяина дом — сирота. Как использовать каждый памятник с максимальным эффектом? Всякому ли хозяйственнику можно его доверить? Камнем преткновения часто становилось прежнее, культовое назначение здания. Как заставить памятники прошлых эпох работать на наше, советское время? Не простой оказалась эта задача. В условиях послевоенной разрухи нехватка помещений вынуждала использовать архитектурные памятники в хозяйственных целях, что не могло не

нанести урон эстетическому содержанию зданий.

Благодаря постановлению Совета Министров СССР 1948 года «О мерах улучшения охраны памятников культуры» был создан научно-методический совет по охране памятников культуры. В него вошли представители Академии наук, Комитетов по делам архитектуры и по делам искусств, видные специалисты в области изучения и реставрации памятников. На совет возложили научно-методическое руководство охраной и изучением памятников культуры, совершенствование научных методов реставрационных работ и научную классификацию памятников культуры. Возглавил совет академик И. Э. Грабарь.

Этот авторитетный научный орган успешно осуществлял координацию реставрационных работ по всей стране.

Возобновились начатые еще в 20-х годах исследовательские и восстановительные работы в Самарканде, Бухаре, Узгене, Мерве. Тогда все научные вопросы, связанные с реставрацией среднеазиатских памятников, подвергались предварительной проработке в специальной комиссии, которую возглавлял сподвижник И. Э. Грабаря архитектор И. В. Рыльский. Научно-методический совет — преемник Музейного отдела Наркомпроса — уделял такое же пристальное внимание ремонтно-реставрационным работам. Был найден ключ к постижению характерных черт и загадок самобытной культуры среднеазиатских народов. Ныне ансамбли

Самарканда, Бухары, Хивы, Узгена, Коканда, Ташкента восстановлены и широко посещаются туристами.

В 1949 году развернулась деятельность археологов и реставраторов на комплексе древнеармянской культуры Гарни-Гегард.

На Украине в те же годы приступили к реставрации характерно-национальной архитектуры. Первоочередные работы велись в Киево-Печерской лавре и Выдубецком монастыре, реставрировались создания великого В. В. Растрелли — Мариинский дворец и Андреевская церковь, в Чернигове — дом казачьего полковника Федора Лизогуба и коллегий, комплекс зданий Елецкого и Троицкого монастырей.

Надо изучать художественно ценное в архитектуре прошлых эпох, говорил А. В. Щусев, учитывать при проектировании бытовые, экономические и культурные потребности народа, для которого мы творим. Алексей Викторович Щусев завершал в 1947 году постройку Большого театра оперы и балета имени А. Навои в Ташкенте. Зодчий творчески переосмыслил коренные черты узбекской архитектуры. Он придал театру массивность, свойственную монументальным памятникам Востока, подчеркнул плоскостность рельефа, обратил особое внимание на национальный характер орнамента и цветовое решение здания.

Здание свободно расположено на площади. Каждая сторона его замыкает перспективу улицы. Театр стал архитектурным центром, организующим весь прилегающий

район. Такого рода расположения зданий не знали складывавшиеся во времена феодализма города Средней Азии. Планировочное начало, заложенное великим зодчим, впоследствии получило дальнейшее развитие. Современный Ташкент строится по этому принципу. Очевидно, что крупнейший промышленный, научный и культурный центр Средней Азии, большой транспортный узел, столица Узбекской ССР — Ташкент не смог бы успешно осуществлять все жизненно важные функции, если бы он строился по-старому. Ведь на его древних улицах с трудом могли разъехаться два дехканина на ишаках.

Уже в первые послевоенные годы стала узаконенным положением мысль о том, что сохранение памятников — это не только сбережение их физического существования. В инструкции к постановлению правительства от 14 октября 1948 года записано: «Памятниками архитектуры могут быть... города, населенные пункты или часть их (район, площадь, улица), сохранившие историческую планировку или значительное количество историко-художественных зданий и сооружений».

Таковыми городами-памятниками стали Хива и Суздаль. Городов-памятников — единицы. И отношение к ним — как к редкостям.

Постановление правительства и инструкция 1948 года ставили в повестку дня задачу сохранения градостроительного наследия. В этом деле нашей стране принад-

лежит мировой приоритет. Впервые понятие охранной зоны появилось в инструкции, утвержденной Президиумом ВЦИК 7 июля 1924 года. Затем возникла необходимость организации не только охранных зон, но и зон регулирования застройки.

Смысл всех этих мер — обеспечить физическую сохранность памятников и связанной с ними среды, оставить нетронутыми исторически ценную градостроительную структуру, своеобразие населенного места, его силуэт, панораму.

На территории охранных зон оберегается исторически сложившаяся планировка, по возможности восстанавливаются утраченные ее части, сохраняется характер исторической среды и ландшафта. Только при этих условиях наиболее ярко видны все художественные достоинства памятника.

Надо заметить, что задача эта не проста. Но потребности развития крупнейших городов часто вступают в противоречие с положением об охранных зонах и зонах регулирования. Видный советский градостроитель Д. Н. Чечулин в книге «Жизнь и зодчество» рассказал о таком противоречии. Еще в предвоенные годы зодчим было видно, насколько старая, классическая Москва потонула, растворилась в массе крупномасштабных построек дореволюционного и советского периодов. Старинные соборы, церкви и другие уникальные памятники древнерусского зодчества главенствовали, когда Москва была невысокой, всего в два-три этажа. Сохранить силуэт старой

Москвы было невозможно. И главный архитектор Москвы упорно думает о том, как сберечь исторически сложившийся характер нашей столицы.

Мысль о высотных зданиях появилась во время работы над конкурсным проектом дома на Котельнической набережной. Некоторые предлагали построить здесь малоэтажное здание, считая, что тем самым останется прежней красивая композиция древних соборов на Швивой горке, что и вытекало из инструкции о зоне регулируемой застройки.

Д. Н. Чечулин высказался за то, чтобы поднять силуэт Москвы. Он спроектировал высотное здание башенного типа. Оно олицетворяло собой продолжение славных традиций классической русской архитектуры. Все появившиеся затем высотные дома одеты в белокаменный наряд, их башни, увенчанные ажурными переплетами арок, устремлены ввысь, как шатровые крыши древнего Кремля. Весь облик этих зданий соответствует нашей русской природе, близок ее поэтическому характеру.

Высотные здания слились с историческим силуэтом Москвы. Они вторят башням Кремля, стройным вертикалям колокольни Ивана Великого, Новоспасского и Новодевичьего монастырей, Меншиковой башни. Нельзя отрицать и организующую роль этих сооружений. Построенный на Котельнической набережной высотный дом, не вступив в противоречие с исторической средой, стал могучим щитом, защитившим от

покушений планировщиков историко-архитектурный комплекс Швивой горки. А здание на Смоленской площади так же хорошо закрыло собой архитектурные памятники старомосковского арбатского района, ныне объявленного заповедной территорией.

Архитектурное единство — главная традиция русского градостроительства. Складывается она из единства старой и новой архитектуры, слияния архитектуры с природной средой.

И как важен здесь незыблемый принцип гармонии! Здания упрощенной архитектуры не вписываются в ансамбли зданий прошлых эпох. Среди складывавшейся веками органичной архитектурной среды чужеродными выглядят крупноблочные или панельные здания повышенной этажности. Они разрушают, перечеркивают художественно полноценные ансамбли, возникшие как в далеком прошлом, так и в наше, советское время.

Иногда, чтобы расчистить место под новые сооружения, без должного уважения к прошлому сносились старинные дома, связанные со славными именами и событиями.

В 1962 году в печати с обращением, проникнутым заботой о духовном наследии народа, выступили лауреаты Ленинской премии скульптор С. Т. Коненков, художник П. Д. Корин и писатель Л. М. Леонов. О том, что необходимо избегать потерь значительной доли культурно-исторического наследия при развороте массового индуст-

риального строительства, писали многие. По-деловому к решению проблемы подошли в Грузии. В 1959 году там было создано Общество охраны памятников. При участии этой массовой общественной организации восстановлено более 100 памятников архитектуры, в числе которых немало уникальных, например кафедральный храм XI века Светицховели в древней столице Грузии Мцхете, архитектурные комплексы, сооруженные в эпоху Шота Руставели, древние ансамбли Зедазени и Алаверди. В Икалто укреплено здание академии XII века, где, по преданию, учился Руставели. После восстановительно-укрепительных работ в этом здании устроена выставка и открыт народный университет культуры. В процессе консервации памятника XI века в Алаверди выявлена живопись XV века, тем самым в историю грузинского монументального искусства вписана новая страница.

В труднодоступных местах Верхней Сванетии специалисты общества укрепили несколько десятков домов, в одном из них — в деревне Ушгули — создана выставка-хранилище живописи, чеканки, рукописей этого края. Проведены реставрационные работы в Аджарии и Абхазии.

Общества охраны памятников способны сделать многое. Во всех союзных республиках общественные организации по охране памятников истории и культуры превратились в мощную силу. Во всех республиканских обществах ведется массовая просве-

тельная работа. Известно, что распространение знаний о памятниках активно содействует обеспечению их сохранности. Как красноречивы цифры, показывающие размах этой благородной деятельности!

На Украине действует более 350 народных университетов, более тысячи лекториев и более 1300 кинолекториев. Узбекское общество ежегодно проводит свыше 10 тысяч лекций и бесед, около 3 тысяч экскурсий по памятникам. В Литве и Грузии наряду с традиционными формами пропаганды организуются лекции-концерты непосредственно в зданиях архитектурных памятников. Всероссийское общество создает собственные дома пропаганды, выделяя средства на реставрацию памятников архитектуры. Такие культурно-просветительные учреждения эффективно работают в Москве, Ленинграде, Смоленске и других городах.

Помимо лекционной и экскурсионной работы отделения республиканских обществ ведут активную пропаганду культурно-исторического наследия в центральной и местной печати. Проводятся конкурсы на лучшие публикации, посвященные охране памятников. Белорусское общество издало отдельными брошюрами несколько подборок подобных публикаций. Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры выпустило четыре богато иллюстрированных сборника «Памятники Отечества». На Украине издается журнал «Па-

мятники Украины», в Белоруссии — информационный бюллетень «Памятники истории и культуры Белоруссии», в Туркмении — «Памятники Туркменистана», в Грузии — сборник «Друзья памятников культуры», в Киргизии — «Памятники Киргизстана». Издательство «Молодая гвардия» выпустило в 1978 году книгу «Отчий дом», посвященную теме культурного достояния страны.

Отделения республиканских обществ ведут постоянную экспедиционную работу по сбору материалов для «Свода памятников». Она вызывает большой интерес ученых и специалистов. Результаты этой исследовательской деятельности публикуются.

В РСФСР, Украинской и Белорусской ССР изданы сборники советских законодательных документов по охране памятников культуры, начиная со знаменитых ленинских декретов.

Все эти виды пропаганды оказывают заметное влияние на формирование общественного мнения в пользу сохранения памятников, бережного к ним отношения.

Вместе с государственными организациями общества ведут большую работу по сохранению памятников архитектуры, монументальной живописи, скульптуры, археологических и этнографических ценностей. Общества участвуют в решении сложнейшей градостроительной задачи — комплексном сохранении архитектурных памятников.

В 1966 году правительство РСФСР утвердило правило, по которому со Всероссийским обществом охраны памятников обязательно согласовываются генеральные планы реконструкции исторических городов, проекты застройки их исторических районов. В Литовской ССР к обсуждению архитектурно-планировочных разработок привлекаются научные и проектные организации. Белорусское общество провело конференцию, посвященную сохранению исторических центров городов. На Украине, в Узбекистане, Киргизии прошли научные симпозиумы на тему «Охрана памятников архитектуры и застройка городов».

Республиканские общества участвуют в финансировании деятельности государственных реставрационных мастерских, в расширении объема реставрационных и консервационных работ.

В Отчетном докладе на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев отметил, что «неотъемлемую часть советской политической системы составляют общественные организации... один из важных каналов участия граждан в управлении делами общества». Эти слова с полным правом следует отнести к деятельности республиканских обществ охраны памятников. Они насчитывают миллионы людей, добровольно участвующих в общегосударственном деле сохранения и использования культурного достояния нашей многонациональной Родины.

Многолика красота, доставшаяся нам в наследство: величественный простор площа-

дей и проспектов классического Ленинграда и трогательный уют средневековых улиц старого Таллина; архитектурное богатство Московского Кремля и Красной площади и монотонный, пепельно-серый Дербент в оправе аметистового небесного свода; грандиозная несокрушимость устремленного ввысь Домского собора в Риге и тянущийся тоже в небо резной столб-часовня у дороги, бегущей через поля и перелески Жемайтии; суровая неприступность крепостных стен древнего Изборска и гостеприимная прелесть узорчатой русской избы где-нибудь на Волге или близ Белого моря; каменная кряжистость псковской постройки и легкая, но способная противостоять шквалистым ветрам, нарядная, словно белый цветок на зеленом ковре джайлоо, юрта киргиза-табунщика; фасады самаркандских и бухарских медресе, мавзолеев, минаретов в геометрических, растительных, каллиграфических орнаментах на поливной терракоте разных тонов и гармоничное сочетание охры, празелени, золота, киновари и голубца в совершенных творениях ярославских, владимирских, вологодских мастеров фрески; нарядная, праздничная касе-мара молдавского села и украшенная рушниками, печными малюнками украинская хата; плывущий по глади льняной скатерти ковшскоптарь, дивно расписанные прялки, туеса, печное заборье в архангельском рубленом доме и чеканное серебро сосудов, изящная гравировка передающегося от отца к сыну оружия в дагестанском ауле; лаконичный

роговой орнамент казахского войлочного ковра-ширдака и филигранная вышивка по шелку на таджикской тубетейке — тупии.

Целой жизни не хватит, чтобы все это увидеть! И все это великое богатство завещал беречь и использовать во благо развития художественной культуры социалистического общества Владимир Ильич Ленин.

Красота хрупка. Она нуждается в участии и защите. Не только стихийные бедствия и войны, но быстротекущее время и забвение — реальная угроза красоте. Защита прекрасного — это и эффективно действующий закон об охране памятников, и авторитет общественного мнения, и кропотливый труд реставратора, и рождающее понимание и любовь слово экскурсовода, это и утверждение традиций уважения к минувшему в каждой советской семье. Недаром слова «память», «памятник» одного происхождения. Памятник — овеществленная или воплощенная в слове, звуке память, ставшая сооружением из камня, монументом из металла, народной песней.

Памятники дают материальное, зримое представление об истории, о культуре народа. Историю Родины от каменного века до космических стартов дают возможность предметно познавать обращенные в музейные экспонаты памятники. Археологический музей «Сунгирь» в пригороде Владимира знакомит с культурой обитавшего 25 тысяч лет тому назад на берегах Клязьмы чело-

века эпохи верхнего палеолита, а Музей космонавтики в Москве на проспекте Мира — с сегодняшними достижениями советской науки и техники.

В связи с принятием новой Конституции СССР заметно активизировалась работа по охране, реставрации, использованию и пропаганде памятников истории, археологии, архитектуры, искусства, документальных памятников.

Созданы новые возможности для использования духовных ценностей в воспитании советских людей в духе патриотизма, преданности идеям коммунизма.

С чувством глубокого удовлетворения отмечаем мы сегодня, что наступило время бережного отношения к архитектурным памятникам. Владимир, Новгород, Псков, Смоленск и другие старинные русские города за годы Советской власти, по существу, построены заново. Но здесь сохранены памятники, здесь проявлено внимание к исконной градостроительной структуре. И в результате города эти не потеряли выработанного веками своеобразия.

Новое постановление Совета Министров РСФСР, принятое в январе, призывает утвердить такое отношение к старинным памятникам повсеместно. По этому постановлению в течение 1980—1985 годов в республике будут проведены ремонт или консервация всех состоящих на государственной охране в сельской местности памятников. Эта работа ведется сейчас повсеместно. Во многих областях и автономных республиках

государственные органы культуры, отделения обществ охраны памятников, работники университетов, педагогических вузов, государственных архивов, энтузиасты-краеведы ведут учет, изучение, вносят предложения по включению в действенный историко-культурный фонд страны многочисленных памятников, нередко находившихся в забвении. Предстоит определить, какие постройки в небольших селах и деревнях имеют историческую или культурную ценность, что возможно сохранить на месте, а что со временем должно быть перенесено в новые населенные пункты, как будут использоваться эти памятники.

Профессор Смоленского педагогического института Г. Т. Рябков высказал предложение запечатлеть для грядущих поколений современную, но еще не утратившую своих традиционных черт русскую деревню в анкетах и фотографиях. В результате организованного по его предложению изучения сельских населенных пунктов почти все деревни и села области проанкетированы и сфотографированы. В Государственный архив Смоленской области поступило свыше 50 тысяч документов, зафиксировавших общий вид сельских поселений, традиционные и новые строения, быт, производственные процессы, памятники архитектуры, археологии, воинской славы и многое другое.

Происходящий сейчас процесс укрупнения населенных пунктов в сельской местности даст огромный материал для развития музеев деревянной архитектуры.

Созданы и действуют музеи под открытым небом на Украине, в Эстонии, Бурятии, в Архангельской, Костромской, Владимирской, Новгородской, Иркутской, Московской областях. В большинстве областных краеведческих музеев имеются этнографические экспозиции. Решается задача сохранения памятников в сельских районах Нечерноземья, расширяется реставрационная база.

По словам выдающегося советского художника П. Д. Корина, «охрана памятников» — это рабочий термин, передающий лишь узкий смысл задачи. Содержание же понятия неизмеримо шире. Оно включает живое представление о преемственности традиций культуры, о нерасторжимой связи времен, дня сегодняшнего и давних дней, связи человека с землей и всем сущим на ней, с природой, с миром.

Проблема сохранения и использования культурно-исторического наследия постоянно на острие идеологической борьбы. «...«Седая древность», — писал в «Анти-Дюринге» Фридрих Энгельс, — при всех обстоятельствах останется для всех будущих поколений необычайно интересной эпохой, потому что она образует основу всего позднейшего более высокого развития...»

В первый период строительства Советского государства вождь партии и революции В. И. Ленин обосновал необходимость сбережения культурно-исторического наследия и сделал все от него зависящее для организации работы по охране и поста-

новке на службу рабоче-крестьянскому государству бесценных богатств огромного культурно-исторического наследия народа. Он видел в нем фундамент, на котором будет вырастать новое. В. И. Ленин писал в работе «Успехи и трудности Советской власти», что капитализм дает культуру только для меньшинства, но мы должны строить социализм из кирпичей, оставленных капитализмом, взять из оставленной капитализмом культуры все необходимое для построения социализма.

С первых часов существования нашего государства ведется настойчивая борьба за сохранение культурных и исторических ценностей. Ленинское отношение к памятникам ныне закреплено в положениях новой Конституции СССР. Статья 68 Основного Закона гласит: «Забота о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей — долг и обязанность граждан СССР». Советские люди являются подлинными наследниками всего лучшего, что создано нашими предками.

В 1976 году, после всенародного обсуждения, на пятой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва был принят Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». В нем сконцентрирован весь многообразный опыт Советского государства по защите памятников.

Закон дал исчерпывающее определение понятия «памятник» и определил его роль и назначение:

«Памятники истории и культуры народов

СССР отражают материальную и духовную жизнь прошлых поколений, многовековую историю нашей Родины, борьбу народных масс за ее свободу и независимость, революционное движение, становление и развитие Советского социалистического государства...

Памятники истории и культуры народов СССР составляют неотъемлемую часть мирового культурного наследия, свидетельствуют об огромном вкладе народов нашей страны в развитие мировой цивилизации.

В СССР памятники служат целям развития науки, народного образования и культуры, формирования высокого чувства советского патриотизма, идейно-нравственного, интернационального и эстетического воспитания трудящихся».

Советское государство и Коммунистическая партия осуществляют огромную работу по сохранению исторических памятников нашей Родины. В послевоенные годы ассигнования на реставрацию памятников составили сумму, превышающую миллиард рублей.

Целые города или их исторические центры, хранящие древние памятники, ныне стали широкоизвестными туристскими объектами: Владимир и Суздаль, Чернигов и Путивль, Псков и Новгород, Самарканд и Хива, Ростов Великий и Переславль-Залесский, Таллин и Цесис. Живой пример образцового отношения к памятникам — Московский Кремль.

Основное место среди памятников и мемориалов, охраняемых государством, занимают места, связанные с жизнью и деятельностью В. И. Ленина. Не иссякает поток людей, посещающих музей В. И. Ленина. Всемирно известен созданный ныне музей-заповедник в Шушенском.

В стране создана развитая сеть литературно-мемориальных музеев. Свыше 100 миллионов советских людей ежегодно посещает памятники, заключающие в себе музейные коллекции.

«Охрана памятников — важная задача государственных органов и общественных организаций. Бережное отношение к памятникам истории и культуры — патриотический долг каждого гражданина СССР», — говорится в законе «Об охране и использовании памятников истории и культуры».

Ленин, Советская власть в первые дни после победы революции провозгласили, что культурное наследие принадлежит народу, что оно должно помогать ему в строительстве новой жизни. Охрана памятников стала одной из важнейших забот Советской власти. Статья 27 Конституции СССР гласит: «Государство заботится об охране, преумножении и широком использовании духовных ценностей для нравственного и эстетического воспитания советских людей, повышения их культурного уровня».

Наследовать все передовое, творчески плодотворное из научного и культурного

наследия, на этой базе создавать новые культурные ценности, сберегать старину и рожденные советским временем духовные богатства, обращая их на благо народа,— значит идти путем, завещанным Лениным.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Правительственные документы по вопросам охраны памятников истории и культуры

Декрет СНК «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения». 19 сентября 1918 г.

Декрет СНК «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». 5 октября 1918 г.

Декрет ВЦИК и СНК «Об учете и регистрации предметов искусства и старины». 8 марта 1923 г. «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы». 7 января 1924 г.

Постановление ВЦИК и СНК «Об охране исторических памятников». 10 августа 1933 г.

Постановление ВЦИК и СНК «Об охране археологических памятников». 10 февраля 1934 г.

Постановление Совета Министров РСФСР «Об охране памятников архитектуры». 22 мая 1947 г.

Постановление Совета Министров СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры». Положение об охране памятников культуры. 14 октября 1948 г.

Постановление Совета Министров РСФСР «Об улучшении дела охраны и реставрации памятников культуры в РСФСР». 29 июня 1957 г.

Закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Принят на пятой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 29 октября 1976 г.

Постановление Совета Министров РСФСР «О мерах по улучшению охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры в свете Закона СССР и закона РСФСР об охране и использовании памятников истории и культуры». 24 января 1980 г.

СОДЕРЖАНИЕ

«Составить точную опись ценностей, сберечь их в сохранном месте...»	3
«Интересы рабочего класса требуют...»	28
«Восстанавливайте все как было, делайте прочно и хорошо»	47
«Красивое нужно сохранить... исходить из него, даже если оно «старое»»	70
«Чтобы не упали основные столпы нашей культуры...»	89
«Надо исходить от прекрасного»	117
Приложение	141
Правительственные документы по вопросам охраны памятников истории и культуры	—

Бычков Ю. А.

Б95 В государственном масштабе.— М.:
Политиздат, 1980.— 142 с.

В книге журналиста и искусствоведа Ю. А. Бычкова рассказывается о том, как уже в послеоктябрьские дни Советская власть в чрезвычайно сложной обстановке проявляла заботу о сохранении культурно-исторического наследия страны. Приводятся ленинские декреты, распоряжения, свидетельствующие о глубоком беспокойстве вождя о народном достоянии.

Значительная часть книги посвящена нашим дням, борьбе Коммунистической партии за верность ленинским указаниям о сохранении культурно-исторических богатств нашей Родины.

Книга рассчитана на массового читателя.

Б $\frac{10604-293}{079(02)-80}$ 213—80 4403000000

85.101

7

Юрий Александрович БЫЧКОВ
В ГОСУДАРСТВЕННОМ МАСШТАБЕ

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*
Редактор *Н. С. Гудкова*
Младший редактор *А. С. Кочеткова*
Художник *С. Я. Мительман*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *М. И. Токменина*

ИБ № 2142

Сдано в набор 25. 04. 80. Подписано в печать 29. 07. 80.
А00111. Формат 70×90¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гар-
нитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л.
5,27. Учетно-изд. л. 4,87. Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 4239.
Цена 15 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.
Типография изд-ва «Звезда», г. Пермь, ул. Дружбы, 34.

Д Е К Р Е Т

о национализации Третьяковской галлерей.

Принимая во внимание, что московская городская художественная галлерей имени П. и С. М. Третьяковых является по своему культурному и художественному значению учреждением, выполняющим общегосударственные просветительские функции и чьи интересы рабочая масса требует, чтобы Третьяковская галлерей вошла в сеть общегосударственных музеев, направляемых в своей деятельности Народным Комисариатом по Просвещению, Совет Народных Комиссаров постановил:

1) Московскую городскую художественную галлерей имени П. и С. М. Третьяковых объявить государственной собственностью Российской Федеративной Советской Республики и передать в ведение Народного Комисариата по Просвещению на общем основании с прочими государственными музеями.

2) Комиссия по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Народном Комисариате по Просвещению, — срочно выработать и ввести в действие новое положение об управлении галлерей и ее деятельности в соответствии с определенными музейными потребностями и задачами демократизации художественно-просветительских учреждений Российской Советской Республики.

Председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ульянов (Ленин).

Управляющий Делами

Влад. Бонч-Бруевич.